Н. Я. МАРР.

КНИЖНАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА НА РУСИ И КУАРА В АРМЕНИИ.

ЗАМЕТКИ ПО ЯФЕТИЧЕСКИМ КЛИНОПИСЯМ.

Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры.
Том III, nn° 11 и 12. 18 мая 1924.

По определению Российской Академии Истории Материальной Культуры.

Редактор, член Академии *Іосиф Орбели.*

Секретарь, ассистент Академии *Камилла Тревер.*

Ленинградский Гублит 12724/3. — 200 экз.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФИЯ. В. О., 9 лин., 12.

Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси[1].

Н. Я. Марра, члена Академии.

«Кто поедет прямо, будет всю дорогу и голоден, и холоден; кто вправо поедет, будет жив, да конь его умрет; а влево кто поедет, сам умрет, да конь его будет жив».

Собираясь прочитать сказку, яфетическую сказку, я не мог не предварить ее присловием из сказки о трех путях: наш путь со смертью для ездока, но с жизнью для коня, — яфетического коня, (кстати, «конь» — яфетическое слово, также как «лошадь»). Надо жить коню: конь довезет.

Однако у меня совершенно искренняя претензия на научность моей речи, и без эпиграфа ученого характера не обойтись. Беру слова Костомарова по сюжету моей темы:

«В нашей летописи... мы встречаем известия о древних родоначальниках, которых источником не могло быть ничто, кроме преданий»[2]. «Сказание об основателе Киева есть драгоценное известие»[3].

На самую необходимость считаться серьезно с этими этногоническими сказками русских летописей обращал внимание еще Ломоносов: «Владѣтели и здатели городовъ въ предѣлахъ Россійскихъ извѣстны по Нестору въ Полянехъ Кій, Щекъ и Хоревъ; Славянъ Новгородскихъ по лѣтописцу Славенъ и Русъ. И хотя въ ономъ лѣтописцѣ съ начала много есть извѣстій невѣроятныхъ, однако же

[1] Речь произнесенная на Торжественном Годовом Общем Собрании Академии 18 мая 1922 г.

[2] Исторические монографии и исследования, XIII, 35-36.

[3] У. с., 38.

его откинуть невозможно. Баснь о претвореніи Словенова сына въ крокодила сходствуетъ весьма съ тогдашними обыкновеніями»[1].

Совет Академии Истории Материальной Культуры меня почтил предложением занять внимание сегоднешнего годового собрания речью по моей специальности. Совет благодарю за честь.

Тема: «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси». Значит, несовсем по моей специальности? Напротив, — к теме подхожу яфетидологически. Из заглавия, для краткости, выкинут подзаголовок — «Скифское предание в яфетидологическом освещении». От этого мое дело хуже: у меня возникло сомнение в том, располагаю ли я вообще речью для изложения темы.

Из газетного сообщения мне стало известно, что я занят исследованием единого языка человечества, более того — работаю над созданием международного языка. Многих это скандализовало. Между тем единство языка будущего человечества, именно созданного языка, для всякого, подошедшего к разумению реальной истории человеческой речи, не может представить ничего фантастического: оно неизбежно. Что же касается трудностей, то, конечно, такое предприятие сопряжено с неимоверно сложным и длительным разысканием, но всетаки его, на мой взгляд, куда легче довести до конца, чем создать единый язык ученых, ученых гуманитаристов.

Остается сказителю сказок подойти к собранию слушателей фольклористически, обратиться с одной яфетической пословицей:

«В чью лодку садишься,
Того песню пой!»

Правда, у нас песня еще не сложилась, чтобы предлагать кому либо ее петь (и сложится ли она у нас? и когда это сложится? — да и суденышко наше — слишком утлая ладья, чтобы удобно разместиться садящимся в нее, однако на час прошу терпения, чтобы отнестись к чужой песне в процессе ее сложения со вниманием, рекомендуемым абхазской пословицей. Пословица из бытовой речи отважных некогда моряков — кавказских басков. Кавказские баски[2] когда-то совершали не менее успешные морские предприятия, чем пиренейские баски, в свое время прославленные китоловы. Но у

[1] Краткой Россійской лѣтописецъ съ родословіемъ. 1760. § 6.

[2] Ныне они именуются искаженно «абхазы», в древности назывались «а-баски» Ἀβασκοί.

Черного моря исторические традиции больше колебались, сильнее сбивались: у кавказских басков, давно отторгнутых от моря, совершенно исчезла из памяти прародительская связь с морской жизнью, с родным Понтом. Память им изменила в такой же степени, как русским в их до-истории: у русских не живет предание о том же, им не менее родном море, как русском море, русском, буквально этнически-русском и этнически-скифском, греками обращавшемся то в Аксенское, то в Евксинское море; забыв исторически не только о русском-Евксинском море, но и о Хвалынском море, также родном им в так называемые доисторические времена, русские лишь материально наталкиваются, точно против воли, на природное, племенное свое влечение к морскому простору, или ищут, искали в степях его удовлетворения. Для осознанного проявления в жизни природных племенных влечений русского народа все же нашелся человек, казалось бы, менее всего подходящий для роли подлинного русского творца — Петр Великий. Но кто всколыхнет так глубоко целину почвы, над которой уже надстроена русская историческая наука, чтобы увидеть во всей жизненной реальности из-под ряда позднейших наслоений основные, первичные, племенные слои в составе коренного населения России, т. е. племенные слои доисторических или протоисторических эпох, не только скифский, но и ионийский, и даже этрусский или урартский, т. е. тот же русский, и еще иные, и еще иные. Однако русский народ, не помнящий своего русского родства, прародительских изначальных источников, еще тогда весьма сложно сплетенных, не представляет исключения. Не больше помнят персы не только о своем протоисторическом, но и о целых двух бесспорно исторических, всему миру известных, эпохах. Не помнили и древние греки своей протоистории. Да и современный просвещеннейший европеец, хотя бы член ученейшего учреждения в Париже, так же мало имеет средств знать и понимать язык древнейшей географической номенклатуры родной Франции, наследия до-истории края, даже названий Сены и Парижа, как проживающий в кавказской одичалости народ мало осведомлен бывает об истории названия реки, на которой он живет, часто с доисторических времен. В забвении подлинных начал родного мира тем или иным народом сказывается не какая либо национальная или расовая его черта и менее всего недостаток в материалах, а отсутствие жизненного интереса и связанный с ним дефект науч-

ного мышления, беспомощность наших изжитых научных подходов и научной техники.

Ведь весь вопрос собственно — этнологический, и кто не согласится с тем, что мы в России—это факт—изнемогаем от тяжести обилия этнографического материала: русская земля стоном стонет, не со вчерашнего дня, от бремени многоплеменности, до сего дня всуе ищущей, чтобы ее привели в какой либо порядок.

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами». «Слова простые, краткие и сильные», восклицает, приводя их, Карамзин, забыв прибавить: «в России—более вечнозеленые, чем хвойные леса». Карамзин имел в виду протоисторическую эпоху русской государственности. Мы же имеем в виду нечто другое, не только хронологически. Мы имеем в виду и не то или иное государственное состояние, это касается не нас, а политики, а ее царство преходяще. Мы имеем в виду наше научное строительство. Я хотел было сказать: «это владычество вечное», но неправда. У науки нет вовсе владычества вечного, она сама в вечном движении, пока не перестает быть наукой, она не «владычество вечное», а «строительство вечное», и для этого же строительства по сегодняшней теме — по действительно начальной истории страны, сложению ее населения «земля наша велика и обильна материалами», но мы ждем, от мала до велика, кто бы пришел княжить и владеть у нас лучшими из человеческих достояний, творчеством в науке, творчеством даже в такой науке, как наука о зачатии русского народа, начало русской истории. Впрочем, надо оговориться: он уже пришел, этот знатный иностранец, лингвистический индоевропеизм, созданный на Западе и завладевший русской научной мыслью до невероятной степени ослепления и равнодушия к окружающей яркой русской действительности.

Что можно представить себе более сильное по яркости и где в иной из просвещенных стран такое неимоверное разнообразие этнографического материала, такое обилие материализованных в самой жизни доисторических реальностей, как в России. Языки или наречия с их конкретно ощущаемым звуковым составом и словосочетанием, словесность со сказками и мифами, ошеломляющий европейца-горожанина быт, окружающая нас живая и мертвая материальная среда, не исключая и повседневно используемых нами имен и названий, названий самых близких русскому народу, самых

для него интимных, с печатью изначального события с ним, все это и многое другое неудержимо тянет нас к далеким и сложным началам русского народа, между тем по драгоценной, занесенной в летописи, хотя бы лишь в XI в., русской легенде о возникновении матери русских городов, не ведется до сих пор этнологически научно поставленной в строго определенном общем плане исследовательской работы, нет вообще научной литературы.

Да и в тех областях, где такая работа велась усиленно, напр., в былинах, спасая это доисторическое наследие от исторического их восприятия, мифологическая школа искала генезиса сюжетов и имен в глубокой древности того обще-индоевропейского языка, который есть теоретическое создание ученого мира XIX-XX вв., так же абсолютно не конгениальное с реальными началами русских былин, как и с первообразами гомеровских творений.

Показания летописей об обиталище полян[1], в числе их и сообщение «о месте поселения здесь легендарного основателя Киева — Кия и его братьев», одному исследователю дало основание «происхождение этого племенного названия», т. е. поляне, признать до-киевским[2], но, повидимому, сама легенда об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом представлялась по-киевской, между тем ее происхождение не только также до-киевское, предшествующее построению исторического Киева, но оно предшествует многими веками составу населения Руси в IX в., хотя также, допустим, трехплеменному еще с VIII в.[3], как устанавливается он на основании мусульманских восточных писателей IX-X вв., русских летописей и отчасти археологии и филологического подхода к палеонтологии языка.

И здесь этнологическая проблема усекается перспективой начального государственного строительства на Руси, и в XX в., сорок лет спустя после Костомарова, племенное разнообразие, вопрос этнологический, разъясняется по обыкновению от культурно-исторических начал, в данном случае от трех будто одинаково племенных культур — византийской, хазарско-восточной и норманско-финской.

[1] В. А. Пархоменко, Русь в IX веке, ИРОЯС, 1917, XXII, кн. 2, 132; см. также того же автора, Три центра древнейшей Руси, ИРОЯС, 1913, XVIII, кн. 2, 78-87.

[2] У. м.

[3] У. с., 136.

Между тем мы с этой легендой о Кие, Щеке и Хориве проникаем не только в до-киевское и до-индоевропейское этническое состояние края, но и в его этнической жизнью созданную, с нею неразрывно связанную богатую номенклатуру. И надо бы семь раз примерить раньше, чем отрезать, и, напр., племенное название «поляне» производить от слова «поле» [1], не чуя опасности такой явно-народной этимологии, и вопрос о племенном составе русского народа возводить к славянскому единству, к совершенно первобытно воспринимаемой этнической «чистоте славянства». Ведь чистота этнического состава славянства — миф, но миф не народный, а созданный в кабинетах, книжный, постулат лингвистической рабочей теории, построенной на сродстве позднее сбытовавшихся языковых явлений, не разъясненных генетически, да и не могущих быть разъясненными безжизненной гипотетической схемой.

Для громадного большинства собрания доклад мой может представиться заслуживающим внимания из-за темы в аспекте русской истории, по интересу, связанному с Киевом в истории России или истории Украины. Киев для нас, однако, пока лишь новый наиболее отдаленный западный пункт распространения скифов или скутов, фиксируемый яфетидологически. С этими скутами неразлучимы их двойники-тезки — саки, отложившие свое название в древней Армении у Севанского озера, в области Si-sak-an, на рубеже с Мидиею, и шхумы [2], населявшие северозападную часть Кавказа, от Лечхума (↖*Le-шkum) в исторической Грузии до Сухума в Абхазии. Если саков-скифов (а с ними и согдов-скифов) мы имеем в направлении на восток вплоть до Средней Азии, скуты-скифы тянутся на запад до Балкан, с устремлением на юг, и до Альп и далее.

В свою очередь и скифский вопрос, весь скифский вопрос в масштабе развертывающихся яфетидологических исканий — одна из частностей; с нею рядом выступают вопрос о расенах или расах (пеласгах, этрусках, урарту), вопрос об ионах (шонах или сванах и т. д.), вопрос о касах или каспиях (равно каситах и т. д.) и вопросы о других, не менее важных многочисленных яфетических племенах. Правда, и эти до-исторические племенные образования представляют непосредственный интерес для древностей России.

[1] Этимология равноценна производству названия области Гилан в Персии от персидского gil «грязь» или названия пиктов в Британии от лат. pictor.

[2] По формуле: шqu-m | squ-m ↗ θqu-m | θ̇qu-m.

С ними связан не только сравнительно поздний хазарский вопрос, но и вопрос о Руси, и вопрос, пожалуй, о первоначальном населении России, когда прослеживаем места расселения ионов-яфетидов, не позднейших уже эллинизованных ионян. Но и в интересе к этим отдельным этническим образованиям у нас внимание сосредоточивается, естественно, прежде всего на пределах их распространения, выносящих нас территориально за пределы не только России, но и так называемого славянского мира. Кроме того, и хронологические пределы нас обязывают не замыкаться материалами русской территории. Дело в том—и теперь это уже бесспорный факт—что предшествовавшее образованию новых народов и новых для того мира языков яфетическое население Средиземноморья распределено было непрерывно тянувшимися узлами. Узлы эти повторяют одни и теже группы племен в различных, самых отдаленных друг от друга районах. Что объединяло эти повторяющиеся группы? Повидимому, перерождавшаяся в племенное побратимство тотемная связь, что внушает мысль о бесконечно древней оседлости, повидимому, об исконности яфетического племени в составе населения Средиземноморья.

С другой стороны, устанавливаются незыблемые основы учения о названиях мест, в числе их положение, по которому названия гор и рек вскрывают племенные наименования древнейших слоев первоначального населения. Естественно, что тождественные географические названия, насколько они — отложения племенной жизни, нас заставляют с Россиею рассматривать в объединении ту или иную страну с населением тождественного, доисторического племенного состава, в каком бы отдалении ни находилась эта страна территориально от России. Что древнее на восточном юге России, чем название реки Волги Rha и неразрывно связанное с ним Oar (← *Ohar ↙ O-rar)[1] и даже Lag-[2], и то и другое — свидетели пребывания в этом крае русского племени, как части сохранившегося в лезгинском ответвлении северных кавказских яфетидов, в каспийском бассейне, и в отторгнутых от них rask'ах или рачинцах,

[1] По Герод. 4, 123, 124 (*Ὄαρος*) впадает в Мэотию и потому по Forbiger'у 453, это приток Танаиса, им же отожествляемый с Lagus'ом Плиния 6, 77, а по Mannert, IV, 110, указывающему на смешение Геродотом Волги с Танаисом, это Волга, «Uzen» и Урал.

[2] Плиний, у. м.

в Понтийском бассейне. Но этого мало. В географической номенклатуре этого порядка, в зависимости от первоначального племенного состава Евразии, наименования реки или рек Rha и Oar в России приходится освещать в связи с рекой Rah в Армении и с долиной Расской или Рарской, т. е. Араратом и Урарту там же, и в связи с этнографически всплывающим в средние века названием реки Saône (Saucon) во Франции, названием, звучавшим Arar. В такой обстановке нам представляется весьма сомнительным (—просто, так называемой, народной этимологиею), когда совсем недавно ставшее известным название горы Урала, однако, всплывшее также этнографически, разъясняется как слово, нарицательно понятное на языке ныне живущего по-близости народа, без всякого учета того, что в нем безукоризненно закономерный эквивалент той же основы Urar- или Arar-терминов Urar-tu и Arar-at, из коих последний—название не только армянской равнины, но и всесветно известной горы. Наше яфетическое дело, однако, и с ras-ами или rar-ами на Урале не останавливается даже в направлении на восток.

Что древнее для Юга России с направлением на запад, чем названия рек Tanaïs||Don, Dan-ub||Don-aw, не говоря о гибридных названиях с тем же Don-||Dan- или с его корнями, согласными по составу, между тем в этих названиях, в большинстве также в формах мн. числа (-a⌜r⌝+ıs, -ab↖-av), отложилось наименование того племени, которое некогда обитало не только здесь, по северу Черноморского бассейна, но и по южному его побережью, равно в Малой Азии и, до образования греческого и римского народов, вообще по Средиземноморью, от крайних его восточных пунктов до крайнего запада: лиц, знающих основные элементы сравнительной фонетики и морфологии яфетических языков, уже не смущает утверждение, что согласно произносительным органам различных еще чистых яфетидов представляют один и тот же этнический термин не только Фоın-ık (финикияне) и Pun-⌜ık⌝, но и Hı-span-ıa и даже Pon-t, что это лишь разновидности все того же племенного названия yon.

Черное море называлось Понтом вовсе не потому, что это в какой-либо мере исключительное море, а потому, прежде всего, что его берега были заселены, в доисторические времена, йонами или ионами: pon-t в данном отношении лишь племенное название в форме мн. числа с зубным показателем множественности, и как

племенное название и отложилось то же слово в названии области Понта. И как племенное название, по тотемической семантике яфетидов, оно же и название «вод», название «пучины» и «моря». То же самое мы наблюдаем и с другим яфетическим племенным названием, именно с pelasg, которое, в слабо дифференцированных еще на яфетической почве разновидностях, и означает не только тотем-птицу πελαργός «аист», но и тотем-море πέλαγος. То же самое мы наблюдаем и с третьим этническим названием sal, в яфетическом подъеме tal → tal, находящимся в форме мн. числа на -ass (ai или -аш) в греческом θάλ-ασσα «море», до-греческое происхождение которого вынуждены признать и индоевропеисты. Это — яфетическое племенное название, давшее яфетические формы названия стран, *Te-tal-ia, по-гречески Θεσσαλία или Θετταλία и *Si-tal-ia, лат. Italia; племя sal и tal существовало не только на Апеннинском и Балканском полуостровах, но и по западному побережью Каспийского моря — в Талышии, и везде им сопутствовали с севера их двойники с тем же названием в спирантной разновидности основы, ʰhˀal, и в форме губного мн. числа: на Кавказе — Hal-bi и страна Albania, на Балканском полуострове — Albania, на севере Италии также *Hal-pi, оставившие свое имя в наименовании альпийских гор.

Серия народов, носящих яфетические племенные названия и общих Средиземноморью и Югу России, отнюдь не исчерпывается четырьмя перечисленными случаями. С другой стороны, номенклатурно прослеживаемые по своеобразным разновидностям термина «уоп» (поны, поняне), народы φоуnik, пуны и испаны вовсе не окружены народами, носящими племенные названия, неимеющие ничего общего с яфетическими языковыми материалами; они, даже названия наиболее известных в мировом масштабе, хотя бы в Африке, также вскрываются как разновидности еще пятого яфетического племенного названия, особо близко стоящего к названию «скиѳ» — если остановиться пока на пятом — и это название яфетического народа, жившего в своем природном этническо-культурном состоянии в доисторические времена на обоих берегах Средиземноморья, и в Африке и Европе и в частности на Юге России и на Кавказе. Можно, думаю, догадаться, что раз речь об африканском этническом термине мировой общеизвестности, то намек касается непосредственно египтян. Ведь животрепещущий в научном мире вопрос

о доисторической этнографии Египта, надеюсь, и со стороны египтологов не исключает возможности положения, что в числе этнически неизвестных народов и племен, входивших в состав первоначального или, во всяком случае, доисторического населения Египта, был и народ, по примитиву своей природы носивший племенное название, лежащее в основе термина «Египет». Когда, таким образом, целая школа американских ученых упорно отстаивает мысль, что весь мегалитический мир, и на Западе и на Востоке, даже в Америке, находился под влиянием египетской культуры, и что эта культура разносилась по белу свету финикиянами, то поскольку в аргументации их имеются действительно серьезные данныя по до-истории, мы и это приемлем, но приемлем так же, как единственно можно принять и драгоценное показание Геродота, что у колхов на Кавказе с египтянами в Африке была общность ряда очень характерных, существенно отличительных черт бытовой жизни; мы приемлем реальность самих свидетельствуемых фактов без предлагаемой теории их объяснения, когда Геродот отмечаемое им явление объясняет исторически—поселением на Кавказе остатка египетского войска, а американец Smith с его единомышленниками возлагает все бремя утверждения мегалитической культуры в мире на плечи позднейших финикиян-семитов, исторически известных как торговцев. Разрешение генетического вопроса до-истории Средиземноморья, откуда, повторяю, нельзя изъять и Юг России с Кавказом, вопроса исключительно этнолого-лингвистического (естественно, в тесной связи с доисторической археологиею), никак не по плечу истории царей и купцов, хотя бы это были древнейшие в мире цари и купцы, египетские и финикийские. Вопрос тут не в разнице социальных соотношений, а в непроходимой без головокружительного скачка пропасти, которая разделяет доисторическое и историческое мировоззрения. И там и здесь жизнь, движение вперед, но иной ритм. Совершенно непроходимая уже пропасть между научными мышлениями, необходимыми для восприятия того и другого мировоззрений. Чтобы понять тот ритм, нам нужно в нашей специальной лингвистической науке нарушить, разрушить ритм культурно-исторических научных построений. Никакого примирения, никакой эволюции. Напрасно Ф. А. Браун[1] старается перекинуть мост, называет ряд высокочтимых исследователей человеческой речи, го-

[1] Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen, JS, I, Lzg. 1922.

воривших как будто о том же самом, о чем твердит яфетидология, теперь — не моими лишь устами. Ничего общего между нами нет: для них—сказка, для них—абсурд, для нас—сама действительность. Что в культурно-историческом восприятии «ад» или «рай», «загробный мир», то в восприятии доисторических эпох—мир той же человеческой жизни, для яфетидов тех эпох населенный теми же яфетическими племенами. У реки Дона был приток, назывался Ἀχαρδέος: название яфетическое—pl. tantum A-q̇ar-de, с префиксом a- и суффиксом -de; основа — q̇ar, по переглaсовке еще двух языковых групп — q̇ur и q̇er; форма A-q̇ar-de—двойник формы A-q̇er-đe, яфетического слова, у греков означавшего «груша», но уже разъяснено, что это — эквивалент грузинского sq̇al-ı «груша», что фонетически представляет разновидность слова ṫkal-ı, означающего между прочим «вода», «река» и т. п. Это слово в эпоху ли двухсогласия корней или по потере долготы гласного (sāl ↗ ṫāl) звучало sal- ↗ ṫal, что также означало «вода». Следовательно, можно бы думать, что A-q̇ar-de, приток Дона (равно его двойник *A-q̇er-de, а также в Армении река A-q̇ur + e-an) означает просто «вода», «река» (в яфетических языках для этих двух понятий одно слово); это подошло бы и к тому, что этим же словом в иной форме мн. числа, наличным в греческом в виде Ἀ-χέρ-ων, называются еще несколько других рек, в числе их река в преисподней. На самом деле это одновременно племенное название. Переводя его на сибилянтную речь в форме соответственного до-исторического населения Апеннинского полуострова, это *Sı-tal, в исторические эпохи—итал: италы, имевшие, как мы знаем, сородичей на западе Каспийского моря, да и на севере, по Волге, жили некогда и на притоке Дона — Aq̇arde, а затем не только в стране племени Θe-tal на Балканском полуострове, но и в преисподней; по их племенному названию, тотему, Q̇ar/Q̇er называлась и река в преисподней — с префиксом — Ἀ-χέρ-ων, и перевозчик у этой реки, без префикса — Χάρ-ων. Мы ожидали бы сродные разновидности термина прежде всего в племенных или географических названиях Греции: их, по всей видимости, имеем мы в критской топонимике — Ἀχερδόεντα (вин. пад.) и в названии аттического демоса Ἀχερδοῦς, сопоставляемые Fick'ом[1], не как индоевропейские, даже по его представлению, слова. В основе именно племенное название, но если выявлять нари-

[1] Vorgriechische Ortsnamen, 13.

цательное его значение, то почему воспринимать только в смысле «воды»? Ведь слово, означающее «вода», по яфетической семантике означает еще не только «река», но и «рука», и «женщина», и «хлебный злак», «благодать», «милость», и «радость», «жизнь»[1] и «смерть»[2].

Значения «рука», «милость», «радость» сохранил за нашей основой и греческий язык в словах *χείρ*, *χάρις*, *χαίρω* и в ряде других, представляющих наследие одного из до-эллинских яфетических языков. Для усвоения даже такой простой вещи, как эти обычные яфетические переливы значения слов, семантики, необходимо этно-культурное, а не культурно-историческое восприятие: разница между этими двумя научными мышлениями такая же, как между бытовым совершенно правильным восприятием слов и восприятием их палеонтологическим, не менее бесспорным. В бытовой речи во все исторические эпохи одинаково реально воспримут везде, если кто определит сильное расхождение сравнением: «как небо и земля», или приведет евангельское слово о предложении сыну «змеи» вместо «рыбы», но в палеонтологическом представлении этно-лингвиста «небо» и «земля» — более чем близкие миры, они называются оба одним и тем же словом; так же отожествляются «рыба» и «змея», носящие одно и то же название.

Хронологические, как и территориальные грани в до-истории еще более резки, чем в исторические эпохи, но ограничиваемые пространства, протяжения, относятся ли они ко времени или к территории, отличаются обширностью геологических масштабов, в пределах которых нормы исторических измерений не имеют никакого конструктивно существенного значения, более того — мешают свободному восприятию действительных соотношений.

Исторически мы не можем не противополагать Восток Западу, Европу — Азии и Африке, но этнологически соотношения территориально разобщенных общественных явлений Востока и Запада менее далеки, чем соотношения отложений различных эпох на одной и той же территории, и особенно в Европе. Того Востока, который рисует себе европейское мышление как какую то культурную антитезу Западу и Европе, в Европе гораздо больше, чем в Азии. Для палеоэтнолога не существует двух культурных миров,

[1] Груз. ṫoṫqal-ı (← *ṫaw-ṫkal-ı) «живой».

[2] Груз. ṫkla «ранил, резал» ~ [h]kl : [h]kd: груз. kla «резал, убил», kuda → kwda → kta «умер» | ďgr (сван. li-ďgre) «мочить» → dgr (сван. li-dgarı) «убивать», «умирать».

Востока и Запада. Археологические раскопки по ярусам должны вестись, да и ведутся не только под насыпной почвой, но и в надпочвенной материальной и духовной среде современной бьющей ключем жизни, где этнологу, да и этно-лингвисту первобытно говорит все, вплоть до отдельных звуков и отдельных движений. Историка не может не приводить в ужас новое «лжеучение», что финикияне не семиты. Этого я не говорю, но нельзя не утверждать, что финикияне носят название фойников-яфетидов. Однако, когда C. Autran, питомец французской высшей школы, обстоятельно старается доказать, что те древние финикийцы, творцы (протоисторической) Средиземноморской культуры, были не семиты, да, конечно, и не индоевропейцы[1], то мы могли бы ему сказать: «вы врываетесь в помещение, куда яфетидологией уже открыты двери, и свободен доступ, с бо́льшим усилием, чем это по существу необходимо, так как вы подходите не с той стороны, вы подходите и работаете во всеоружии исторического метода, когда вам нужна этно-лингвистическая подготовка». Нельзя этнологически работать в пределах, отмежевываемых для финикиян ареной их исторической деятельности. Нельзя этнологически работать над названием Руси, с горизонтом исторической перспективы о северном происхождении русов, может быть, и правильной. Этнология требует рассмотрения того же вопроса в другой плоскости без разобщения Юга России с Урарту у Ванского озера, по-армянски позднее əгəш-tuni, т. е. страны рушов; с рушами или этрусками-пеласгами этнологически нельзя разлучать и мидян и скифов. Ведь Мидия находилась, независимо от наших этно-лингвистических изысканий, в теснейшем общении со скифами, основным обиталищем которых предполагается Юг России. Правда, захватным порядком и мидийский народ теперь признается от начала индо-европейским, даже на основании таких данных хозяйственно-бытовой культуры, которые говорят об обратном, именно о не-индоевропеизме. Когда население Мидии признается[2], как население Армении и Каппадокии, производителем лучших коней и ездоков, то ведь это именно та этническая зона, которая последнею может быть вырвана из яфетического мира, давшего и европейским

[1] Phéniciens, Essai de contribution à l'histoire antique de la Méditerranée. P. 1920.

[2] V. Hehn и O. Schrader, Kulturpflanzen und Haustiere, B. 1911, 31-33.

индоевропейцам этно-лингвистически названия лошадей, как тотемные термины его различных племен. Да и в этом деле коневодства с мидийцами на первый план выдвигаются скифы и саки, те же скифы.

Одно время в языке 2-й категории Ахеменидской клинописи упорно хотели видеть скифский язык, именно, как тогда воспринималось, туранский или тюркский скифский язык; туранизм отпал, но уже наметились данные, при которых было бы трудно утверждать, что скифский язык, на сколько выясняется его яфетическая природа, не имеет никакого отношения ни к языку 2-й категории Ахеменидской клинописи, ни к мидийскому языку. Этот комплексно-этнический подход, улавливающий как бы круговую поруку всего мешаного населения Средиземноморья, отводит совершенно скромное место частному, южно-русскому, вопросу о скифах. Тем не менее, скифский яфетический элемент в местном отложении, в частности на Юге России, приобретает и для нас, естественно, особо важное значение, если он до-исторически связывается и с другим краем. Всем хорошо известны блестящие попытки сближения Кавказа и Передней Азии с Югом России по вещественным памятникам исторической культуры. Но в тесной связи тех же стран нет ничего неожиданного и в этнографическом отношении. Общность племенных названий, отложившихся в топонимике, отнюдь не исчерпывается одним термином «Шırак», названием области на реке Ахуряне в Армении, и народа ширакoв (Σίρακες Strab. 506, Siraci Tac. 12, 15, 16) или ширак+енов на яфетической реке Acherde, притоке яфетического Дона (Σιρακηνοί Ptol. V, c. 9, § 17); ведь это не более, не менее, как самое неотразимое свидетельство пребывания расенов или русов еще до Р. Х. на Юге России, так же, как в Армении. Может быть, случайно, что как область населения сираков относится к кругу особо богатых хлебных районов России, так армянский Ширак армянам служил житницею. Но едва ли случайно, что в русском языке пережиточно наличны яфетические названия злаков и термины земледелия. Например, даже «пашня», «пахать», а с ними и «пахнуть», происходящие одинаково от понятия «дыхание—бык—пахание», общи у русского с халдским клинописным языком (халд. paḫini «бык»).

На жизненность сродства психологии населения Юга России и Кавказа едва ли что иное указывает с такой неотразимой яркостью,

как давно отмеченная общность характерных черт народной музыки украинской и грузинской [1].

Наш уважаемый сочлен А. А. Миллер своими изысканиями об украинском чубе дал толчек к уточнению этнической связи Юга России с Арменией в этом исключительно характерном бытовом признаке. Мне как будто удалось разъяснить яфетическое происхождение Купалы, божества воды и леса, двойника грузинского КораГа, если и не малоазийской *Κυβέλη*, впрочем независимо от намечающейся для толкования в смысле «Матери» — Великой матери. Другой уважаемый наш коллега, В. К. Шилейко, вскрыл как будто, общую основу вавилонских мифологических представлений об Иштар с русскими представлениями о русалках.

Особенно интересны случаи, когда какой либо яфетический вклад с русскими разделяют и турки: имею в виду не только «лошадь», но и такие слова, как «тьма», «туман», и в числовом значении употребляемый тот же термин «туман», который считался турецким по происхождению.

Тем более важно для конкретного уточнения проблемы, когда удается уловить племенную связь Юга России с бассейнами Ванского и Урмийского озер, страной Урарту и Мидиею, в доисторическом племенном предании, доступном нам лишь в различных сказочно изложенных хотя бы книжных версиях.

Такое племенное предание мы видим в русском повествовании о построении города Киева тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом. В изложении русской летописи это, конечно, легенда. Для исследователя исторической жизни России это, повидимому, мало на что пригодная легенда, но для до-истории не только России, но и всего Средиземноморья, это — одно из ценнейших племенных преданий Понтийского района; она тем более возбуждает именно реально-исторический, народно-исторический интерес, что ее параллель рассказывалась еще в IV-V в. на берегах Ванского озера в Армении. Ее использовал армянский историк Зеноб Глак, но тра-

[1] Арсений Корещенко, Наблюдения над восточной музыкой, преимущественно кавказской (ЭО, 1898, nº 1). Призывая к изучению «грузинского народного мелодического богатства, бесспорно имеющего некоторые черты, родственные малороссийским песням», автор писал (стр. 22): «я глубоко убежден в музыкальном родстве этих двух народностей». Дела не меняет, что Корещенко не учитывал возможности племенного сродства и украинского народа с яфетидами-грузинами.

диции — писатель V в., а по научному определению писатель как будто VII в. Обе даты приблизительные, но если бы он был писателем даже более позднего времени, чем VII в., сама легенда своим существом, обстоятельным ядром, восходит ко временам, значительно более древним, чем IV-V в. по Р. Х.; она, можно сказать, материально соприкасается с древнейшей эпохой до-исторической яфетической Армении. Она материально соприкасается так, что до 1909 г., года открытия вишапов или каменных рыб-великанов, мы не были бы в состоянии представить конкретность, вещественную воплощаемость этого соприкосновения.

Используя предание в воссоздаваемой им прото-истории, армянский писатель — историк родной христианской церкви — естественно, выдвигает в легенде элементы религиозного характера, хотя бы и языческие. Эти религиозные элементы не только мы воспринимаем, но и в эпоху этого автора воспринимались, как таковые, и тогда, когда в связи с тем или другим названием не повествуется в памятнике ничего религиозного, но сами названия, как теперь заведомо нам известно, чувствовались как религиозные термины из обихода еще существовавшего народно-языческого культа[1] и производили соответственные эмоции.

Три сейчас интересных для нас строителя армянской земли носят имена Ku-aṛ[2], Meḷ-te и Hoṛ + e-an. Эти имена, морфологически совершенно ясные образования множ. числа, с одной стороны на —-an → -ar (ṛ есть архаизм с стремлением точнее выразить по-армянски яфет. r), с другой — на -te. И если бы мы захотели произнести в чистом виде основы этих племенных названий, то мы должны были бы назвать для первого племени Ku, для второго — Meḷ и для третьего — Hoṛ.

Различные способы образования мн. числа дают опору в определении времени и племенной принадлежности имен трех армянских строителей. Хронологические соотношения их окончаний и сами формы основ показывают, что в сказании о них речь не об изначальном строительстве в крае, хотя говорится о до-исторической

[1] О более длительном, чем это предполагается, существовании язычества, как бытового явления в Армении и Грузии и после возникновения в них христианства см. Марр, Мученичество девяти отроков колайцев, ТР, V, 83.

[2] В -ar не простой r, как впоследствии, так как яфетическое r воспринималось как ṛ = rh, ср. Ajderhak.

эпохе. Во всяком случае, предание дошло до историка Зеноба Глака с терминами в формах племенной речи не hайков-басков, издревле наличных в этнографии доисторической Армении, а hайев-сонов, выступающих последними в исторической жизни страны, именно в христианский период. Но hай-соны это — яфетиды йоны, древнейшее племя, и этнографически они могли находиться в крае с доисторических времен.

Естественно, что и самое прото-историческое строительство этих, по легенде, трех героев Kuar̥, Mel̥te и Hor̥ean в Армении, более сложное дело, чем деятельность трех братьев, Кия, Щека и Хорива, на Руси, как она изображена в записи, более позднего, русского летописца сравнительно с армянским.

Три названных героя Армении совершают по преданию подвиги двух строительств, двух для них современных эпох. Кроме того, они выводятся продолжателями дела строителей предшествующей этногонической эпохи, дела двух строителей, которые также не первостроители. Но этими пятью членами исчерпывается состав лишь двух этнических групп из многоплеменной семьи строителей доисторической Армении — семьи, имеющей дохристианское культовое значение.

Ни в одной из двух групп нет бога Karapet, наиболее чтившегося божества: оно свое название передало Иоанну Крестителю и тем передвинуло его в центр позднейшей, уже сбытовавшейся у армян религии. Это божество совершенно отпало потому, что оно у армян успело народно христианизоваться.

Но в первые века насаждения новой религии армяне-прозелиты всячески старались связать культ уже своего христианизованного Карапета, Иоанна Крестителя, с прославленными языческими святынями: мощи уже ставшего христианским святым Карапета Григорий Просветитель, по легенде об его деяниях, помещает в местопребывание идола Гисанея, у родника о девяти источниках.

Но кто такие эти наши три племени Ku-ar̥, Mel̥-te и Hor̥e-an, названия которых здесь выступают как личные имена героев одного поколения, одного общественного дела.

Что это племенные названия, притом органически связанные с племенным составом населения Армении, это явствует из их распространения в крае, из того, что они отложились в названиях географических пунктов и родов, в фамильных названиях. Для двух

из них, именно племенных названий Ku- и Hoṛ, нет надобности даже в фонетическом разъяснении, чтобы отожествить их с известными географическими и этническими названиями Армении, в частности и в районе бассейна Ванского озера, но полная картина роли всех трех племенных названий в этно-географической номенклатуре Армении получилась по разъяснении их в свете связи языковых соотношений в звуках и в значении слов с племенами, их названиями и племенными богами. Нельзя обойти две детали из этой работы.

В эпоху трехсогласия полногласный вид karap получил женское окончание в виде karap-et; как божество с женским окончанием, еще -ош-ае, он прослеживается у лазов, мегрелов, сванов, грузин, у последних и в сибилянтной разновидности ṡarm-ае: этнически этот термин связывал яфетическое население Адербейджана, Армении и Грузии с сарматами.

Термин больше сохранился без женского окончания, в значении «лебедя»—kar-ap у армян[1] и, очевидно, в hайкском-баскском произношении—aram, с падением начального k в исчезающий спирант, по баскскому закону: Aram не только эпоним-родоначальник армян, но прямое их племенное название. Отсутствие женского окончания в karap и aram (↙*karam), тотеме и названии армян, могло бы быть связано с заменой яфетического матриархата индоевропейским родовым строем, возглавлявшимся отцом.

Запомним, что kar-ap «лебедь» есть двойник Хорсана-Хорпва.

Племенное название mel (: vel) представляет достояние племени со спирантной речью, разновидность этнического термина med и его двойника mad и вместе с тем пережиток термина ġvel (↖*γvel), прототипа названия ġel.

Мн. число у этой основы—ġeḷ-am, как в ẏel-am, да по существу и как в vim-ap. Geḷ-am в Армении то племя, в пределах распространения которого, на высотах названных именно по ним Геламских гор, открыты культовые каменные рыбы-великаны, вишапы, драконы. Племя ġeḷ имело тотемом и «волка».

Рядом с формой ġeḷ-am у этой основы мн. числа могло быть образовано и *ġeḷ-te, как у нашего термина Meḷ-te : Meḷ-ti.

Оба племенных названия и другие еще их разновидности опре-

[1] Ср. груз. a-ka-ur-i (←*a-kar-ur-i) «лебедь».

деляют народы в составе древнейшего населения не только Кавказа, Ирана и Малой Азии, но и Европы.

Основа mel- имени среднего из трех героев, Мелтея, соответствующего русскому Щеку, по норме перегласовки трех групп имеет разновидности mar- и mor (последняя в составе груз. mor+i-el «скорпион», букв. «порождение змеи»). Две другие основы mel-mar- представляют, как было сказано, разновидности хорошо известной пары med/mad (Μῆδοι, Mada)[1], т. е. племенного названия мидян и их тотема — змеи[2].

При подходе от нашей темы главное значение, однако, представляет старший член — ku или kuar, скифское племя.

К факту отложения скифов в племенном составе армянского народа нас подводит и другое армянское предание, сохраненное древне-армянским эпосом.

Геродот рассказывает, что «большинство их (скифов) Киаксар и мидяне, пригласив на пир и напоив пьяными, перебили; таким образом мидяне спасли свое царство и овладели теми (землями), которыми владели прежде»[3].

Армяне, казалось бы, «национализовали» это восточное, дошедшее до Геродота, предание о мидийском вероломстве за трапезой: в роли скифов появляются армяне. Однако у армян предание об этом сохранилось, как действительно народное, в народных песнях: Хоренский сообщает его в своем переизложении с удержанием лишь нескольких стихов[4]. Но еще в историческом изложении Хоренского всплывает эпический источник: армянский царь Тигран первую жену Астиага Анойшу с детьми поселяет в расщелине большой горы (у Аракса), и ей прислуживают слуги из тех же мидян, поселившихся у подножия той горы. В этой еще прозаической части «Астиаг», «мидяне» названы в формах «Аждаhak», «мары», т. е. в таких формах, что, когда народный эпос от глубины исторически

[1] Можно бы думать, что med→ mel — по ламбдизму и maө (←mad) → mar — по ротатизму, или что надо считаться, пожалуй, с формулою mar || mad → mad и т. п.; но при известном соответствии l/r двух определенных групп яфетических языков наличие d вм. l (/r) нам представляется естественным по типу груз. основы vel/ved глагола «ходить».

[2] В ново-эламском mada используется именно в значении племенного названия, потому мн. ч. — mada-pe «мидяне».

[3] Латышев, Scyth. et Cauc., 3.

[4] 83 сл. = I, 30.

незапамятных времен их донес до эпохи позднейшей исторической Армении, индоевропеизованной и находившейся уже под влиянием также позднее сложившегося индоевропейского Ирана, все эти термины и персами и древними армянскими учеными, как современными европейскими специалистами, без оговорки принимались за персидские, иранские по происхождению и, следовательно, индоевропейские. Согласно персидской народной этимологии ajdahak был воспринят даже как составной термин из двух слов, без всякой палеонтологической перспективы. Перс. ajdahak, казалось, есть «дракон» и только; mār → mar, казалось, — «змея» и «дракон» или «vишап» и только[1]. Но на самом деле это тотемы-божества племенные, это одновременно и племенные названия. Так обстоит дело не только с mār (→ mar) 'māe (→ mae [← mad ← mat]', названием мидян, означающим и «змея», «дракон» (отсюда груз. mat-l-i, мегр. и чан. munt-ur-i → munt-ri «червь», V. диал. «большой червь»). Так же обстоит дело с ajdahak, не только «драконом», но и племенным названием, отложившимся и в имени мидийского царя Астиага, или Ajdahak и в названии известной армянской области Hamtean.

Ajdahak также форма мн. числа с префиксом ⌈y⌉a- и суффиксом -ak. Основа его появляется у армян же и в более позднем виде, с утратой и спиранта h и без именного окончания -ak, в виде amteay → amte-y: слово в таком виде означает «копье, стрела», что по яфетической семантике связывает этот предмет со змеею, и как уязвляющее орудие, жало, и по фигурному сходству головки змеи и стрелы[2]. Такого же происхождения и другое армянское слово для копья geḷ-ard, основа которого geḷ представляет также слово со значением, как уже было указано, «змея». И когда в христианской Армении видим господствующим культ копья geḷard, хранящегося как важнейшая народная святыня по сей день в Эчмиадзине, то еще большой вопрос, есть ли это лишь создание христианской

[1] Так разъяснял еще Хоренский, когда он писал (84 = I, 30): «Ajdahak на нашем языке vишап», т. е. «дракон», а vишап, как мы теперь знаем по их каменным фигурам, собственно — великан-рыба, великан-змей и т. п.

[2] Мы затруднились бы сослаться в этом случае на использование змеиного яда для напитания им стрел (см. ЭО, LVIII, 104, пр. 1). Смазывание богатырем стрелы змеиным жалом, так в былине о Дунае (у. м., 104), может быть пережитком и культового отношения к стреле-змее, к стреле, «освященной Богом» (у. м.).

легенды, культ копья, которым был прободен Христос, как это предполагается, или это — христианизованное наследие от языческих эпох яфетического культа змеи.

То же Ha-шtah-ak появляется без префикса в виде шah-ap в форме vиш-ap «дракон», kar-ap «тотемный лебедь», и шah-ap этот означает духа-хранителя могил, появлявшегося то в виде человека, то змеи. Производное от его основы слово шah-atak христианская церковь в Армении использовала как эпитет святых подвижников, мучеников: на самом деле это — «змий», «бог», «герой», «доблестный»; это значение — из эпохи, когда змий в стране почитался еще добрым гением.

Это же aшtey (*haшtey || *haшtah)[1], собственно со следом спиранта h в виде долгого ē или ā, но с окончанием уменьшительных имен -kw, сохранил сванский язык в двух параллельных видах: a-шdē-kw || a-шtā-kw (← ha-шdē-kw || *ha-шtā-kw) «ящерица»[2].

Но и в первоначальной, казалось бы, форме ajdahak спирант h' — позднейший представитель вм. r ← n: более древние формы — a-шtar-ak ← a-шtan-ak.

Из этих менее далеких видов того же слова ajdahak у армян, еще древних, aшtarak употреблялось в смысле «башня», собственно «столп», а aшtanak в смысле «подсвечник», но на самом деле ни «столпу», ни «подсвечнику» в значениях этого слова нет места. Такие значения появлялись лишь по образному представлению о «долгом» и «длинном», отсюда и «высоком», связанном и у древнейших культурных яфетидов с понятием «змея». На этом яфетическом реально-языковом факте основано сродство в эламской клинописи знаков для слов, означающих с одной стороны «пресмыкающееся», с другой — «быть длинным, высоким», как разъясняет независимо от нас Toscanne в своих этюдах о змее, фигуре и символе в эламской древности[3].

Слова ⌈h⌉aшtarak и его закономерный двойник *haшterak «змея», «дракон» представляет без окончания -ak ту основу yaшter-, от которой своим уменьшительным суффиксом «-ица» образовано русское

[1] Aшteay (← aшte[h]ay) → aшtey.

[2] Суффикс -kw ← -ku (ушкул. наречие: aшtā-ku), resp. -ko, представляет спирантизованную разновидность баскского -sko.

[3] Délégation en Perse. Mémoires... XII. Recherches archéologiques. Quatr. Série, 1911, 155.

слово «ящерица», при чистой основе без префикса и суффикса щер-, ще-, в яфетических языках — шter, шte[1].

В числе многочисленных змеиных или драконовых культовых мест Армении особо выдающееся значение приобретают, при таком освещении, три сгруппированные вместе святыни близ Эчмиадзина: 1) Ошакан, место культа дракона Вишапа, христианской национальной жизнью или легендой обращенное в усыпальницу изобретателя армянского письма св. Месропа, 2) Мугни, место культа дракона Moĝə, спирантизованной разновидности шумерского дракона ночи Moш-ge, обращенное в монастырь св. Георгия, змееборца, и 3) Аштарак, где на развалинах древней святыни дракона, называвшегося Aшtarak-Ajdahak или шdēk-, сооружен был христианский храм древнейшего базиличного типа.

Такую же троицу драконовых святынь мы находим и в бассейне Вана, где, с христианизацией народного быта и народных верований, языческая троица переродилась в прославленные места христианского культа. Таковы богомолья Вишап или «Драконы», Аштишат или, следовательно, «Змееград» и Муш, или «Дракон», где однако рано успело внедриться женское божество Кагарet [лебедь-пророчица], у христиан обратившееся в Предтечу, эпитет христианского пророка Иоанна Крестителя, крещавшего водою при посланнице-птице (голубе).

Для разъясняемого вопроса реальный интерес представляют подлинные слова древне-армянского эпоса. Хоренский пишет[2]:

«Выявляют это правдиво и песни (народных сказителей (θove leaθən), которые, как я слышу, сохранились у людей окраины, обильной вином области Гохтана. В них сложены песенные слова об Арташесе и его детях с иносказательным упоминанием и о потомстве (zarmiθən) Аждаhака, которых они называют вишапородными, так как Аждаhак на нашем языке значит вишап. Говорят же (в песнях) еще:

Пир устроил Аргаван
В честь Арташеса,
Поступил с ним вероломно
Во дворце вишапов»

[1] Груз. шter-i «ошеломленный», букв. «пораженный [богом] шter'ом», «безумный».

[2] Ц. м., 84.

На этом пиру, предполагается, армяне с их царем Арташесом были так же перебиты, как скифы по Геродоту на званом обеде тех же мидян. Это совпадение скифов Геродота с армянами армянского народного эпоса в роли мидоборцев-змееборцев теряет характер случайности, когда народное же предание армян дает нам основание утверждать о наличии скифского элемента в племенном составе армянского народа.

Существа дела не меняет то, что армянский историк племенное предание связал с деяниями армянского царя Валаршака, что он предание о событиях подлинной прото-истории и до-истории края, значительно позднее сконструированной, внес в рамки книжной до-истории Армении, как это наблюдаем с использованием племенного предания о Кие, Щеке и Хориве в сообщении русской летописи, с перенесением доисторического события на момент основания исторического Киева, собственно на момент создания центра в издревле населенном пункте с древним названием Кыев или Куи-ав. Ведь Кыев и по летописи строился не один [1]: «идущю же ему опять, приде к Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сърубн градъкъ малъ, и хотяше сѣсти съ родъмь своим, и не даша ему ту близь живущии, еже и донынѣ нарѣчють Дунайци городище Кыевьць».

Да, конечно, легендарному для истории Кыю и «близь живущие» и сам летописец не могли предоставить во владение даже малого придунайского Кыева, но реальному этнологически Кыю, т. е. скифу, принадлежали, да отчасти продолжают принадлежать десяток, быть может, десятки поселений с тем же названием, которое означало не только племя скиф, представляя спирантизованный вид его чистой основы sku, но и «порождение», «селение» на том же языке.

На Кавказе, где также есть ряд названий сел и городов с этим этническим термином в основе, по сей день сохранилось оно в виде -qə- у абхазов как нарицательное слово со значением «поселение» →«город»: а-qə́-θа.

Мы теперь можем выслушать армянскую легенду Зеноба Глака и рассказ русской летописи.

Повествуя о происхождении двух идолов в Армении, с культом которых пришлось бороться Григорию Просветителю, Зеноб Глак рассказывает [2]:

[1] Шахматов, ц. с., стр. 9–10.

[2] Стр. 35—36.

«А причина нахождения названных идолов в этом месте следующая: Деметр и Гисаней были князья индов (həndəkaθ) [1] и братья племенами (θəļov-q). Они замыслили против царя своего Динаскей (Dinasqea) козни, узнав о чем, царь послал за ними (с наказом) или убить их или изгнать их из страны. Оказавшись на волосок от смерти, они искали убежища у венценосца Валаршака, и он пожаловал им землю Тарон с правом владеть, где они построили город и назвали его Вишап. Придя затем в Аштишат, они поставили здесь идолов по именам тех идолов [Деметра и Гисанея], которых они почитали в Индах. Спустя пятнадцать лет (армянский) венценосец убил обоих братьев, не знаю, из-за чего, и дал власть трем их сыновьям — Куару, Мелтею и hОреану, а Куар построил город (գաւառն) Куары, и назван был он Куарами по его имени; а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтий; а hОреан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени hОреан.

«И по прошествии времен, посоветовавшись Куар и Мелтей и hОреан, поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место с благорастворением (воздуха), так как был там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев, и построили они там селение (դաստակերտ), и поставили они двух идолов, одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра».

Русская книжная легенда в Повести Временных Лет, как известно гласит: [2]

«Полямъ же живъшем о себе, и владѣющем роды своими, иже и до сея братия бяху Поляне, и живяху къжьдо с своимь родъмь на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще къжьдо родъмь своимь. И быша 3 братия, единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третиему Хоривъ, а сестра ихъ Лыбедь. И сѣдяше Кыи на горѣ, идеже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, идеже ныне зоветься Щековица, а Хоривъ на третиеи горе, отъ негоже прозъвася Хоривица. И сътвориша градъкъ въ имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кыевъ. И бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; и бяху мужи мудри и смысльни, и нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне Кыевѣ и до сего дьне».

[1] В точности «индийцев», но это — по недоразумению.

[2] По начальной сводной редакции, Шахматов, Пов. врем. лет. том I, 1916, стр. 8-9.

В более древней, более обширной и более обстоятельной, именно, армянской книжной легенде часть, представляющаяся параллелью к русской книжной легенде, ее явно генетическим двойником, поражает совпадением не только отдельных конструктивных деталей, числа и имен героев, их деяний, но и описанием природы. По русскому тексту читаем, что «на горе.... бяше около града (Кыева) лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь», в более обстоятельном, пожалуй, и многословном армянском изложении говорится, что на горе Qarqe «нашли прекрасное место с благорастворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев».

Основное различие сказа о самих героях в том, что в армянской легенде еще не утрачена деталь были, братская связь героев племенами, ведь это три племени—куи или скифы, меды или миды, хормы или армяне, тогда как в русской легенде это единоутробные братья, и потому, естественно, во-первых, лебедь, равнозначущая с арм. karap (← karap-et) «лебедь» и тотемным божеством, как бы эманация Хореана-Хорива, может быть (и то по распаду или раздвоению) сестрой лишь его одного, между тем в русской версии она становится сестрой всех трех братьев; во вторых, для русского летописца «поляне» есть единое племя, породившее в своем лоне трех братьев: «и до сея братия бяху поляне», между тем ни один из трех героев с наличным именем не мог бы, по естественному порядку, отожествляться с племенем, носившим не прозвище поляне, из средств исторической русской речи, по проживанию на полях, чего вовсе и не было, а подлинное племенное название поляне доисторического происхождения[1]. Этот древнейший этнический термин сохранен армянской легендой в соответственной форме в виде Pal-uni, в чью страну проникает своим строительством Horean.

Это действительно древнее племя упоминается и в Сардуровой клинообразной надписи VIII в. в соответственной (халдской) форме Pul-ua (← Pol-ua)[2].

В самой существенной части сказа дело, конечно, не в совпаде-

[1] Сюда надо направить, повидимому, поиски за источником для былинных терминов «поляница» в значении «амазонки», «богатырши», и «польник» в значении «гиганта» (см. А. Марков, ЭО, LVIII, 101).

[2] IV, 9; см. также V, 14: Iutel-uani (Iutel + ua ni?).

нии лишь числа братьев-строителей, столь обычного во всех сказках: дело и не в строительстве городов по именам героев, не менее общераспространенном эпонимном приеме исторического повествования, а в полном соответствии общего характера и существенных фактических деталей и в бесспорной генетической связи обеих легенд во всех трех братских именах, да по существу и в четвертом имени, имени сестры Лыбеди.

Если отбросить окончания, чистые основы первого и третьего племенных названий в русских разновидностях кә- или ко- (↘ къ) и хор — являются тождественными с армянскими эквивалентами ku и Hor-. В качестве названий городов эти основы в русском сохранили форму яфетического мн. числа губного (-ev, -iv: Кы-ев, Кун-аб и хор-ив), как и армянские, а Хор-ив так оформлен и в качестве личного имени, но основа ku- в качестве личного имени появляется в ед. числе: Кый. Первое и третье имя, племенные названия, и в русской версии, как и в армянской оформлены одинаковыми показателями мн. числа, в русской губными, в армянской плавными, и все они объединяются принадлежностью сонорной ветви яфетических языков. А у среднего имени в русской версии, Щека, — показатель мн. числа -k, обычный для яфетических племен со спирантной речью.

Что же касается чистой его основы «ще-», т. е. mte-, то она нам уже известна: это усвоенное русским с потерею долготы яфетическое mtē, восходящее к архетипу mter[1], а это представляет собою, как разъяснено, название народа с тотемом змеею, подобно названию второго героя, Mel-te по армянской легенде.

Отсекаем обсуждение вообще значений племенных названий Хорива и Щека и отложение их первичных основ hor- (а с ней Her- и др. разновидностей) и mter в названиях рек и населенных пунктов всего северного района Черноморского бассейна.

Нам важно сейчас отметить деяние старшего героя — Куара или Кыя, старшинство которого признается обеими версиями самого предания, а он — скиф, как его дело скифское дело, и как само старшинство его в версиях, очевидно, — скифский вклад, результат скифской устной народной редакции, т. е. в обеих книжных легендах имеем, mutatis mutandis, скифское племенное предание.

Самая форма губного мн. числа, будет ли она -av (↗ ap), или

[1] Груз. mter-i им., см. выше, 278, прим. 1.

-iv или с другими еще гласными, т. е. Kuy-ab Kə-ev, Qor-iv, объединяет север Понта с его югом. Здесь мы имеем ряд племенных названий того же порядка, как то Qal-ib, Tan-iv и т. п.[1]. Эта форма губного мн. числа нам прокладывает дорогу к целому ряду образований, отложившихся из скифского в русском, вообще в славянских и соседних языках. Приняв во внимание, что не только спирантизованное ku, но и сибилянтная чистая основа sku, представляет усечение полного вида skul- (← skol-), мы с тем же окончанием -ab получаем skulab: на яфетической еще почве архетип двух основных разновидностей названия славян без префикса — sklav- и слав-[2].

Разъяснение имен Гисанеи и Деметр нас бы вынесло далеко за пределы русско-кавказских связей. В изложении армянского историка это два брата, они как будто старшее поколение строителей Армении, насадителей нового культа. На самом же деле Гисанеи и Деметр расселяются по краю, уже устроенному в культовом отношении тремя предполагаемыми их детьми, второй группой тотемно-племенного объединения.

С данными одной нашей легенды лучше не трогать вопроса о времени деятельности обеих групп, об их хронологическом взаимоотношении. Иначе обстоит дело с местом происхождения. Армянский историк менее всего был способен сочинить эпизод с бегством Гисанея и Деметра из страны народа hind[3]. Армянский историк так же мало представлял местонахождение страны этих hind, как ученые XIX и XX веков, которые хотели видеть ее в Индии, и из отсутствия фактов, подтверждающих их догадку, они заключали об измышленности использованного историком предания. В hind мы имеем племенное название яфетического мира, в форме зубного множ. числа. Как национальное название армян hay есть спирантизованная разновидность названия племени san'ов, так hin- представляет армянскую же разновидность сибилянтного вида sin- | šin-, этнического термина, отложившегося, в другой форме мн. числа, в названии города Sin-op. Здесь по всему южному побережью Понта,

[1] Вообще в припонтийских яфетических языках шипящей группы, в наличном состоянии.

[2] Основа sklav всплывает и у арабов с их огласовкой, во избежание стечения двух согласных в начале, в виде saklab- : صَقْلَبِى.

[3] Армянский историк совершенно искренен, когда признается в бессилии понять, почему царь Динаскей вознамерился убить князей Гисанея и Деметра.

а также на севере, жило носившее это название в многочисленных разновидностях племя, древнейшее, если не самое древнее, также в пределах Кавказа, вплоть до восточного завершения Кавказского хребта у Каспийского моря. Из многочисленных того же вида sin ‖ šin разновидностей исключительный сейчас для нас интерес представляет zin-o ‖ jin-o:—последнее с подъемом, ǯin-o, у одного из народов того же племени, мегрелов, сохранилось поныне в составе социального термина, названия дворян, в форме составного слова zino-squa ‖ jino-squa, а также ǯino-squa: оно буквально означает «сын (племени) джин», но его семантическое восприятие могло быть столь же разнообразно, как круг тотемных терминов, воспроизводящих племенное название. Оно могло означать даже «сын бога», т. е. племенного бога. Думаю не случайность, что деспбилованная разновидность din- того же племенного названия ǯin- всплывает перед нами в имени царя этого народа hind ‖ или sind, которое в армянской передаче звучит Dina-sqe: слово sqe, сванский да и скифский эквивалент (скиф. -skay[1] ‖ св. sgva) того же мегр. squa, означающего «сын», и Dina-sqe, следовательно, как мегр. Dino-squa, могло бы означать не только «сын (племени) Дино», но и «сын (бога) Dino». Последнее толкование можно оправдать не одними общими соображениями, а и тем, что в том же крае такого типа имя Dio-tini нам известно теперь по Сардуровой халдской надписи VIII в. до Р. Х., откопанной в Ване Орбели[2]. Мы этого Dio-tini, царя ион'ов, отожествляли с греческим Διογένης, предполагая в ионах уже индоевропеизованных яфетидов-ионян.

Исторической связи легендарного Dinasqe с историческим Диогеном, (собственно Diotin) VIII г. века до Р. Х. мы не думаем устанавливать. Но нельзя не отметить чрезвычайную важность того факта, что и легендой, собственно армянским народным преданием, обновление богов, т. е. появление нового этнического элемента связывается с племенем исключительного этногонического значения, как выяснено анализом двух племенных названий армян[3]: это именно племя, будучи первоначально яфетическим, послужило

[1] См. Н. Марр, Термин «скиө», ЯС, I, 129.

[2] Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, доклады Марра и Орбели, СПб. 1922.

[3] Н. Марр, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян, ЗВО, XXV, 229-236.

орудием весьма раннего еще на Кавказе скрещения яфетидов с индоевропейцами, и в таком гибридизованном виде оно распалось, предполагается, на две ветви, одна из которых вошла в состав кавказских гибридов — армян, другая — малоазийско-европейских гибридов, греков. При таком положении, вопросы о божестве Деметре, о царях Диаскее и Диогене (Диоцине) становятся в высшей степени ответственными и чреватыми, тем более, что с ними нельзя разлучать и вопроса о происхождении Зевса, до сих пор не находящего удовлетворительного разъяснения.

Во всяком случае, живая связь армянской легенды о Гисанее и Деметре с этнографиею, даже с протоисториею Понтийского побережья выступает довольно ярко. Сомнение остается лишь касательно того, была ли племенная среда, откуда по легенде прибыли в Армению Гисаней и Деметр, на южном или на северном берегу Понта: территория исторического местопребывания племени синов или сонов здесь у Босфора (Σινδοί и т. п.) этнологически требует значительного расширения по рекам, сохранившим в своих наименованиях разновидности того же этнического термина в типе с начальным зубным: Don, Dan (←Tan-) и др.

На севере Понта мы и находим на памятниках изображения скифов с тем характерным чубом, который, этнографически выслеживаемый на юге России и у кавказских горцев, является бытовой отличительной чертой древних армян. Там могли скреститься в архетип армянской легенды, синдское предание о Гисанее и Деметре, со скифским о Куаре, Мелтее и Хореане. Там же, казалось бы, общая родина архетипного-предания, скифского, давшего в раздвоении две версии, одну отложившуюся в армянской книжной легенде, другую — в русской. К культурно-историческому созиданию Киева, протекавшему позднее, уже на глазах истории, строительству русской земли из наличных к тому времени условий племенной обстановки скифское предание не имеет непосредственного отношения, но оно приподнимает завесу с созидания тех именно условий в доисторические эпохи, с накопления и скрещения этнических сил, определяющих в конечном результате размах перебоев культурной мощи, и устанавливает собственный ритм творчества. Этот жизненный ритм являлся источником для претворения подражания в творчество при грозивших затопить волнах цивилизаций восточной, южной (византийской) и западной (европейской). Этот ритм жизни

прерывался лишь в моменты этнического преображения в новые виды путем скрещения последовательно с иранцами, финнами и турками, что на юге могло иметь место не через примитивы, а через соответственно гибридизованные яфетические народы. Ритм возобновлялся с усиленным темпом новой мощи. Творческая мощь слагается не из одних замирающих горизонталей текущей жизни, распластывающих нас по земле, как пресмыкающихся, а в равной мере из вертикалей безконечности, возносящих нас в человеческом творчестве до уходящих небес, как победоносных змееборцев, корни же этих вертикалей, уходящие в исконную этническую подоснову, питаются соками ее все еще девственной первобытности. Эта исконная почва никогда не смещалась, лишь перерождалась, и в своей первобытной потенциальности она — основа и источник всей человеческой на земле эмоциональной жизни, эволюционно не учитываемой.

Однако, такая живая первобытно заквашенная этническая почва была везде в таком же скрещенном сочетании, как в России, по всему Средиземному морю. Каждое из основных яфетических племен, тотемически связанных друг с другом, так, например, руши или расы, они же, пеласги или этруски, были и на юге России, и на Кавказе, и в Малой Азии, и в Палестине, и в Египте, и далее на Пиренеях, в Британии, во Франции, в Италии и на Балканах, везде в неразрывном сплетении сототемных племен, и в целом замыкали непрерывный круг. Откуда однако пошли они? Пусть ответят мне на вопрос: «где начинается круг? Где его творческое начало»? Центр? Но центр нашего этнического круга в Средиземном море. Значит, от искания прародины яфетидов на современной поверхности земли надо отказаться? Как будто, да. Во всяком случае и палеонтология яфетических языков дает воочию узреть потрясающее зияние времен между эпохами, когда творилась человеческая речь, — эпохами, длительными как геологические периоды, и эпохами, когда уже начался исторический период жизни человеческого рода с его столетиями и годами, протяжениями короткими, как мгновения человеческого века. Прародина яфетидов, уже говоривших, — в пластах ископаемого человека. И потому, если историку важно знать, как и откуда приходили племена различных культурно-исторических народов в соприкосновение с культурным населением Средиземноморья, этнологу столь же, если не более важно доискаться, в какую эпоху и как выделялись из начальной средиземноморской этниче-

ской семьи пространственно разлученные с ней, но по природной для них речи и поныне в той или иной степени генетически родственные с ней же не только хамиты и семиты, но и дравидические племена. Молчим пока об этно-глоттогонической проблеме туземного населения Америки.

Без общего учета отложения того же этнического субстрата всего наличного Средиземноморского населения не справиться никак ни с одним местным протоисторическим вопросом культурных народов, возникает ли он в Африке, Азии или в Европе, не разъяснить и скифского вопроса, связанного с нашей легендой. Как к вопросу местному, лишь частично и южно-русскому, и армянскому, но в целом общему Средиземноморскому, к нему нельзя подходить в шорах ориентации от территориально замкнутых культур. Но иного подхода пока не может быть: недостает главного двигателя, соответственного эмоционального элемента в общественности. На яфетическом Кавказе яфетидология оказалась в противоречии с изжитыми эмоциями культурных наций Кавказа. Иначе ли обстоит дело в Европе, в частности в России? И должны ли мы ждать извне, сверху или из низов, все тех же первобытных низов, нужного творческого элемента, энтузиазма и свежести мировосприятия, новых исследовательских сил, которые могли бы, влив дыхание жизни в нас, претворить в научно безукоризненную действительность яфетическую сказку о русской и армянской версиях драгоценного скифского предания?

Заметки по яфетическим клинописям.

Н. Я. Марра, члена Академии.

1. Шумерское представление о «слезе».

Хотя шумерский язык, сам по себе, оказывается гибридным, иногда terque quaterque скрещенным типом яфетического языка, но это все таки не значит, что шумерским исчерпывается лингвистическая основа звукового значения клинописных знаков: был, несомненно, еще какой то другой культурный яфетический язык, хотя бы и отложившийся отчасти в шумерском. Вообще, как письменный язык, шумерский, повидимому, сохранил много традиционно-литературного языкового материала по наследию от предшествовавшего культурного языка, какого то другого яфетического языка Месопотамии.

К вопросу о не-семитическом происхождении ассирийского письма подходили не раз и освещали его, но теоретически, без положительной опоры в конкретных материалах живой или определенной в своей живой природе речи; наш подход — реально-языковой, от известной языковой семьи, внутри себя уже разъясненной.

Шумерское 𒀀𒅆 (𒀀𒅆) ır, er [1], ассир. bikîtu «плакать, рыдание» [2]. 𒀀𒅆 есть искусственное графическое изменение первого комплекса, который выражает начертательно реальное, живое составное слово одного из до-шумерских яфетических языков со значением «слеза», «плач», именно а-ш «вода глаза» [3].

Само построение термина для выражения «слеза» как составного слова, из понятий «вода» и «глаз» наблюдаем и во вне-месопотамских яфетических языках. В них это составное слово в ином,

[1] Delitzsch, Sumerisches Glossar, s. v. и стр. 293. О происхождении шумерских слов ır, er и их синонимов речь будет особо.

[2] Delitzsch, у. м., и Assyrische Lesestücke, 323.

[3] Alfr. Jeremias, Die Höllenfahrt der Istar, München 1896, 20, 37 и 43, 37.

сравнительно с месопотамскими, порядке словосочетания, именно определитель «глаз» предшествует определяемому «вода», «жидкость» и т. п. Для многих групп это обычный порядок, известный как древнейший и в шумерском[1].

Самый наглядный случай такого образования термина «слеза» из яфетических языков дает адигейский: ne-φs «слеза», букв. «гла́з[а] вода».

Любопытнейший пример представляет грузинское слово, самое обычное в гурийском, да и имерском говорах, и тем не менее из словарей неизвестное, если исключить примечание издателя словаря Орбелиана[2]. Это kur-ϑq̇al «слеза», любопытнейшее в том отношении, что им попутно иллюстрируется связь с греческим яфетического населения восточного Черноморского побережья, именно мегрело-чанского, огрузинившейся частью которого являются гурийцы. Слово kur-ϑq̇al «слеза» буквально значит «гла́з[а] вода». груз. -ϑq̇al ← ïkal «вода», kur- ← k̇ur- «глаз» — греч. эп. *κούρη*, *κούρα* «зрачек, глаз». От этого слова и kur : kvır в основе глагола kvır-eba «удивляться», букв. «вперять глаза».

Генетическую историю основы kur- ← kor- «глаз» я сейчас обхожу молчанием, довольствуясь констатированием ее наличия в известном греческом слове. Нельзя обойти молчанием разве существование в грузинском, в тех же диалектах, основы в более древнем виде, так как начальный согласный в нем переднеязычный аффрикат k̇ (вм. k), в значении «смотреть», «ожидать» и т. п. Это k̇ur- — «k̇ur-eb-a», от которого казалось бы надо отличать k̇ur- «ухо»[3], и у этого k̇ur- «смотреть» есть целый ряд сродных слов в кавказских и вне-кавказских яфетических языках, но здесь ограничусь указанием на его разновидность (r ш) в европейском яфетическом языке, именно баскском kuш- → quш-: ı-kuш-ı (ı-quш-ı «видеть».

Что же касается грузинского диалектического составного термина, то он лежит и в основе абхазского равнозначущего слова, но здесь вторая часть груз. -ϑq̇al (← ïkal) «вода» заменена абхазским эквивалентом a-d̆ə «вода», а первая часть, сохранившаяся как аффрикат, но озвонченно (k̇ → ǧ), усилена добавочной постановкой

[1] Delitzsch, Grundzüge der sum. Gram., § 66.

[2] Эристов к kurϑq̇al-ı, krϑq̇al-ı, т. е. «два года незасеивавшееся вспаханное поле» делает примечание: «kurϑq̇al-ı также слеза».

[3] Палеонтологического вопроса о возможности одного названия для двух органов восприятия внешнего мира, ушей и глаз, я здесь не касаюсь.

перед ним абхазского слова того же значения a-lă (←a-blă) «глаз», так что по-абхазски термин, звуча ă-la-ĝər-ď (←a-la-ĝur-ďə) при форме единичности la-ĝər-dək (в калдахварском говоре — la-ĝərď-laĝərďəla «по капельке») в значении «слеза», буквально означает «глаз[а] + глаз[а] + вода». Придание в начале лишний раз слова «глаз», уже абхазского (a-lâ), показывает воочию, что абхазы не сознавали, что в термине это слово уже существует (-ĝər), не понимали его, хотя они ощущали потребность присутствия в нем этого именно понятия. Такое же составное слово представляет яфетическое наследие в языках Армении arta-su-q←arta-su⌈r⌉-q (, вульг. arta-sun-q), без окончания мн. числа -q — arta-sur→arta-wsər, в котором, как и в arte-wan, мн. arte-wanunq «ресницы», «брови», первая часть arte-|arta- значит «очи», а вторая часть в интересующем нас слове sur есть «вода», эквивалент армянского же ḑur, но с свистящим s вм. шипящего ш→ȷ ↗ ḑ и спирантного h—hur, ehur[1], как то видим в халдском и баскском языках. Слова arte (||arta) самостоятельно не имеем в армянском в значении «глаз», но в порядке до-исторической яфетической семасиологии с «глазом» находится в неразрывной связи «солнце», «день» и т. п., и наше слово имеем в такой протоисторической речи Армении, как халдский язык ванской клинописи, где Ardı (Ardını) значит «бог солнца», собственно «солнце», да и в самом древнелитературном языке армянском -ard «ныне» (собст.: «днем, сегодня»), arde-an «нынешний, [сего]дня», arde-awq «действительно», собств. «на яву» (букв.: «днем» в противоположность «ночью, во сне») и т. п. находятся в круге представлений и понятий, связанных с arte «глаз»[2], ardı (солнце→) «бог солнце».

Индоевропеисты-лингвисты определяют арм. artausr, игнорируя его связь с arte-van «ресница»[3], чем искажается реальная глоттогоническая перспектива до-истории, да и природа термина, и не достигая цели.

[1] Это же sur, resp. *shur налично в грузинском с подъемом sh ↗ ṫḱ — ṫḱur в составе глагола m-ṫḱur-ı-a «жажду», собств. «мне нужна вода», а sur—в основе глагола m-sur-s «хочу», букв. «жажду».

[2] Речь будет особо о тождественной семантике не только у древних исторически известных народов, но, что для нас важнее, и американских индийцев (Du Ponceau, y. c., 366, см. ниже, стр. 294).

[3] В arte-wan вторая часть, собственно -van могла бы представить разновидность основы груз. ban-al-ı «волос», «волосок».

Старания их дать этимологию греч. *δάκρυς* || лат. dacruma, lacruma своими средствами, индоевропейскими, увенчаны весьма сомнительными успехами[1]. Meillet[2] поторопился привлечь artawsr (у него artausr) к объяснению *δάκρυον* (и это уже воспринято Boisacq'ом) через сочиняемое, в угоду намеченной цели, конструированное без армянских данных слово *drakur[3].

Что касается яфетического мира, то у нас еще одно составное название слез. После анализа адыг. пе-ҙs, груз. kur-ȯqal «очей (глаза) вода» → слеза, арм. arta-wsr (← arta-sur) «очей вода» — «слеза», естественно не только считать составным мегр. ꝋilamur || чанск. ꝋelamur, груз. ȯreml «слезы» из тех же элементов «глаз» и «вода», но и видеть их расположение в том же порядке — «глаз[а] вода».

Действительно, в чанском мы замечаем даже ныне тавтологическое предпосылание ꝋol-i «глаз» слову, и без того означающему вполне ясно «слезу» или «слезы», совершенно так же, как в абхазском à-la-ǵərďə[4]. Именно в чанском слово ꝋelamur-e | ꝋilamur-i «слеза, слезы», также чанск. ꝋilambr-i, ꝋilamb-i, ꝋilam-re, ꝋilam-i (единств. число) говорят ꝋolm- и ꝋoli-ꝋelam-ur-e «глаза слезы», ꝋoli-ꝋilam-i «глаза слеза» и др., точно слеза или слезы могут быть и не из глаз. Но дело в том, что ꝋilam и формы его мн. числа воспринимаются как «вода», «жидкость», тогда как ꝋelamur-e — форма мн. числа (-ur) от составного ꝋe-lam || ꝋi-lam, эквивалента груз. ȯ-rem-, основы груз. ȯ-rem-l-i «слезы». Появление в грузинском r вм. l — неизбежный результат наличия в слове двух r, как в rbil-i вм. lbil-i «мягкий» и т. п. По огласовке lem, resp. rem в грузинском при lam в шипящей группе это обычная норма по одному из основных законов сравнительной фонетики яфетических языков (в части о взаимоотношениях свистящей и шипящей групп). В грузинском при его любви к скоплению согласных в начале — имеем ȯ вм. ȯa-, ибо огласовка слова в чанском и мегрельском (ꝋe, ꝋi) не природная шипящей группы, а сванская -e. Самостоятельно в этом слове в значении «глаза» господствует общий деспирированный его представитель, ꝋ, так в частности в ꝋe глаз, сохраненном рядом наречий и говоров гибридного шипяще-

[1] Boisacq, s. v. *δάκρυς*.

[2] IF, V, 331.

[3] Об исканиях этимологий иных, даже в области индоевропейской, лингвистов Meringer'a, Hirt'a, Walde см. Boisacq, ц. м.

[4] См. выше, стр. 290.

*

спирантного языка—Ингурской Сванпи, от Ушкула до Лахамулы и Таврара. Видов слова в других яфетических языках здесь нет надобности касаться, в сибилянтной ветви они трехсогласны, в самом сванском есть разновидность этого сибилянтного вида со вторым коренным w, а из истории семасического развития термина выступает, что это «глаз» и «светило» (но «светило ночи», именно «месяц, луна»), что устанавливается и сравнительным изучением наличных у нас материалов, самих соответственных слов [1]. В сванском согласно природе его спирантного слоя то же слово в усеченном виде должно бы звучать q̇e(l)q̇i (→ qe-(l)qi) ↘ he(l)hi [2]. Из этого спирантного ряда последняя разновидность сохранена в основе арм. глагола hi-an-am «удивляюсь», букв. «вперяю глаз во что либо».

Вторая составная часть появляется с плавным показателем множественности (l, r) вполне последовательно, так как слово lam-←nam вообще имеет морфологию языка сонорной ветви (n → l), словом, при префиксе na-→la- налицо суффикс -ur (←or): -⌜a⌝l(-⌜a⌝r. В грузинском и сванском эквивалентах окончание мн. числа, как часто бывает, утратило гласный элемент. В мегрельском и чанском этой убыли нет, но слово появляется и в форме ед. числа. Вообще разновидность шипящей группы сохранилась лучше, полнее и легче поддается анализу: в чанск. ϴe-lam (мегр. ϴi-lam вторая часть lam (в груз. и nam) действительно значит по-грузински «роса, влага, влажность, капля» (от него и отыменный глагол груз. lam-a «проливать» именно ϴ̇reml-i «слезы», lam-eb-a «омочить, проливать» опять-таки ϴ̇reml-i «слезы») [3], а раз в ϴe- ϴi мы имеем слово со значением «глаз», и это слово с ш на низшей ступени налицо в яфетическом слое ассирийского силлабария в виде ши, то следовательно, а-ши означает буквально «вода глаза», т. е. «слеза», как то толкуется в лексикографической части силлабария. То, что слово nam, к которому восходит и lam, существует и в персидском, не помешает предложенной этимологии [4]. Любопытно то, что в составе сванского эквивалента, сохраненного в норме его

[1] См. выше, стр. 292.

[2] См. отчасти также имеющее быть данным разъяснение 𒅆 ши, him.

[3] См. груз. kvir-eb-a.

[4] О происхождении, разумеется, яфетическом na-m → la-m речь еще будет особо (пока см. ниже).

спирантного слоя, это слово la-m[1], появляется без префикса la- в виде одного коренного, притом то с сохранением, то с потерею показателя множественности, иногда кажущегося, так как он (r) и коренной в данном виде слова (m: m-r): qi-m «слеза», мн. qi-mr-ar «слезы», букв. «глаза (qi) вода (m)», resp. «воды» (mr)[2].

Из составных клинописных знаков с нашим термином в основе ограничусь сейчас двумя производными:

1) 𒌨𒀀𒋆 [1]VIR-a-ші «плакальщик», букв. «мужчина слез».

2) 𒊩𒀀𒋆 или 𒊩𒀀𒋆 [1]FEMINA-a-ші «плакальщица», букв. «женщина слез».

С разъясненным составом термина a-ші с его другими яфетическими эквивалентами и соответственной клинописной идеограммы в видимой связи находится египетский детерминатив «плакать», какова бы ни была причина этой связи.

2—3. Шумерское sal | gal и nin.

В. К. Шилейко в своих «Ассириологических заметках» обратил особое внимание между прочим на термины sal и nin[3]. С точки зрения употребления в культурной речи Месопотамии, в частности в документах XXVIII—XXIV вв. это титулы, прилагаемые женам знатных особ, sal — супруге патеси[4], nin — супруге царя. Такое культурно-историческое приурочение определенного общественного значения термину может представить интерес и для истории племен, насколько те или иные племенные единицы могли сыграть роль в созидании определенных общественных слоев или сословий. Но яфетическое языкознание вскрывает, что слово sal раньше означало «женщину», как и впоследствии.

[1] Из факта существования слова nam в персидском не вытекает еще, что оно, как предполагают грузинские лексикографы (Орбелиани, Чубинов), заимствовано в грузинском или мегрельском из персидского или иного неяфетического языка. Орбелиани даже пишет: «nam-ı иностранное слово, по-грузински называется ten-ı [влажность]», между тем перс. nam наличное и в пехлевийском, в персидском в значении не только «влаги», «сырости», но и «росы», равно «слез» есть наследие яфетического мира с его речью сонорной ветви, где na-m → la-m является одним из производных слов от распространенного корня m[r]n[1] → m[r]l[1]; mr ↗ bn; br и т. п. Ср. в шумерском употребление одного слова 𒀀 a «вода» в значении «слеза» (Delitzsch, Sum. Glossar, s. v.).

[2] Впрочем r в mr может быть объяснен и как коренной.

[3] ЗВО, XXV, 133—136; см. также Schileico, Notes présargoniques, RAAO, XI 1914, 62.

[4] Надпись Русы II из Маку, ЗВО, XXV, 24—25, прим.

Я уже указал, в обстановке халдского клинописного текста, на яфетическое происхождение этого слова, принадлежащего к свистящей группе сибилянтной ветви яфетической семьи языков. Еще тогда отмечено наличие того же слова в другом представителе той же группы, именно в грузинском, который его сохранил в двух разновидностях, в составе природных для свистящего основного слоя грузинской речи коренных согласных (s ↗ ṭ → ď → θ̇) с огласовкой, усвоенной от шипящей группы, в значении «жена» θ̇ol-ı (вм. *θ̇al-ı) и в составе коренных согласных, усвоенных из спирантной ветви (gl → ql вм. аспированного ğl → q̇l) с природной для свистящей группы огласовкой, в значении «женщина, девушка», но иногда и «жена» — qal-ı[1]. Там же была привлечена разновидность того же слова по спирантной ветви из сванского языка: ye-q̇w || q̇e-q̇w «жена, женщина» (q̇w ← q̇l).

Тогда мне не были еще видны с позднейшей ясностью яфетические основы шумерского, вообще клинописи, использованной впоследствии шумерами-яфетидами и сменившими их ассирийцами-семитами, и сопоставления были сделаны с оговоркой в форме вопроса. Помимо того, что слово это ныне представляется бесспорно яфетическим, по яфетическим материалам есть возможность проследить термин палеонтологически, и тогда слово для понятия «жена» отожествляется со словом, означающим «сторона», первоначально «рука», а также число «два», не говоря о возможности установить его еще более древнее—первичное значение (племенное). Мы тогда встретимся попутно и со значением «vulva» у того же слова[2]. Но сейчас я ограничусь указанием на существование свистящей разновидности этого слова в грузинском с природной для него огласовкой и с более архаичным представителем начального согласного, ď вм. θ̇: ее мы находим в составе термина родства: s-ďal-ı «невестка», букв. «жена дома»[3] или, может быть, точнее — «женщина дома»[4]. О значении остатка ли слова saq̇l «дом» или

[1] См. Марр, Непочатый источник истории Кавказского мира, ИРАН, 1917, 327.

[2] Ср. мегр. ǫur-ı, шум. sal в значении „Scham, Blösse des Weibes“, Delitzsch, у. с., 327.

[3] Марр, К грузинским надписям из Месхии, ЗВО, XXVI, 230.

[4] Ср. плод того же самого социального представления в семантике северно-американских индейцев, где термин «жена» производится от слова «дом» (Du Ponceau, Mémoire sur le système grammatical des langues des quelques nations indiennes de l'Amérique du nord, 1836, 335-336).

иного с тем же значением термина, в виде первого коренного неоформленно (s-) или в форме род. падежа (si-), придется говорить в ином месте, здесь приведу лишь другие составные с тем же s-, resp. si-, грузинские термины родства—si-ďe «зять, жених», (←«сын дома»), si-dedr-i «теща, свекровь» (←«мать дома»), si-mamr-i «тесть, свекор» (←«отец дома»)[1].

Вполне, таким образом, в порядке вещей, что знак для sal (↗ ďal) «жена, женщина» может читаться и gal (→qal груз.) «женщина», причем и последнее слово — огрузиненная по огласовке разновидность спирантного вида *qel←*gel←kel, resp. q̇el←g̈el←k̇el или диалектически (l∽w (m) — q̇ew, resp. *gev, откуда с одной стороны упомянутая уже сван. ye-qw (q̇e-q̇w «женщина, жена», с другой — шум. g̈em(e) «женщина, девушка, служанка»[2]. Само собой понятно, что сюда относится и шум. ki-el «женщина→служанка», читать ли его kel или kēl[3]: долгота огласовки и в данном слове не чужда и яфетическим языкам (ср. чечен. q̇ēl «кобыла», сван. ləφ-k̇ēl «государыня»). Посему вполне естественно, что в гнездах клинописных знаков одно и то же начертание носит различные наименования, resp. звуковые значения, поскольку в этих фонетических различных значениях мы имеем племенные разновидности того или иного яфетического слова или различные яфетические синонимы. так, например, 𒇽 ur «человек» имеет звуковое значение, между прочим, ṭaш (ṭas), и это ṭaш также означает «человек»; с деспиляциею ṭ в t[4], мы в нем имеем то же слово, что сванское ṭaш, resp. ṭäш

[1] Первая часть появляется и в полной форме род. падежа с согласным элементом из сонорной ветви, sin, в шипящей группе языков: мегр. sin-ďa→sin-da, рядом с чанск. si-ďa. В шипящей группе мы ожидали бы первую часть в виде шш-, resp. ши-, и появление s вм. ш в данном слове объясняется не столько влиянием грузинского, его свистящей природы, сколько позднейшей дифференциацией в шипящих языках при втором согласном шипящего порядка — ď (↖j). Наличие некогда ш в шипящей разновидности этого термина явствует из того, как она предлежит с подъемом ш↗ǝ в скрещенном сванском языке, сохранившем долготу i по слиянию с ним согласного элемента падежного окончания w (resp. v | m | n; вм. in, следовательно — im (, iw→ī): ǝje, диалектически и ǝije. К род. -in в составном слове ср. и ṫvin-or «выдра» (Марр, Le terme basque udagara «loutre», ЯС, I, 23).

[2] Сюда же примыкает баск. eme «самка», восходя к архетипу с исчезающим h — *heme.

[3] О чтении kiel речь могла бы быть лишь в том случае, если бы в шумерской фонетике было удостоверено перерождение ē в ie, resp. ye.

[4] Ср. то же самое явление и в чистых яфетических языках, и в таких гибридных яфетическо-индоевропейских языках, как языки Армении (см. Марр. Яфетические элементы в языках Армении, II, ИАН, 1911, 469 сл.).

«мужчина», история которого выясняет его родство с шипящ. kan (→ kon ↗ koө)‖ свистящ. kas (↗ kaө) «человек». Сейчас интереснее отметить, что при такой же десибиляции как в шумерском, в сванской и пережиточно из яфетической речи в армянской форме множ. числа с показателем множественности r при огласовке ı (ır : сван. -ar, resp. -är→ -er, арм. -e-ar, resp. -er и -ır) это слово сохранилось в качестве племенного названия Taш-ır, одной из областей кавказского яфетического мира, позднее входившей в состав то Албании, то Армении, то Грузии.

В шумерском мы находим, независимо от разновидностей sal, не раз и вклад спирантной ветви, так во фразе ıtu ū-bi-kù, Шилейко переведенной «месяц ù-bı-ku (третий)»[1], не только первое слово ı-tu «месяц» — яфетическое[2], означающее «луну, месяц»[3], в чем не единственная встреча этой месопотамской яфетической речи и с европейскими яфетическими языками, в данном случае этрусским (tiv «месяц»)[4], но и ūbi-kù «третий» — яфетический термин: -ku суффикс определительного имени, т. е. прилагательного, следовательно, порядкового числительного, о чем речь будет особо, в связи с ı-gu в лезгинских языках, в частности в удинском, resp. этиунском, где из порядковых ḫob-gu тот же суффикс перенесен и в количественные, и по установлении первичной огласовки (о вм. u); что касается самой основы ub-ı (ū-bī-), то это с именным окончанием (-ı) разновидность спирантного типа (ʄub, resp. hub) сибилянтного вида шum- «три» шипящей группы, т. е. с ее огласовкой.

Вопрос иной, имеем ли здесь спирантизацию первого коренного в разновидности такой же перегласовки, как в шипящей (a/o, resp. u [пожалуй, и] e, resp. ı). Дело в том, что в сибилянтной ветви по свистящей группе имеем sam, по шипящей — *шom→шum, а в скрещенном спир.-сибил. сванском — sem; и им в спирантной ветви должны бы соответствовать *ham / *hom, resp. *hum / *hem, resp. him, и действительно пережитки этих разновидностей находим в аварском ḫab (диалектически чухск. hab↖*ham), андийск. ḫob- (↖*ḫom),

[1] V. c. 135, на обор. 7. При другом случае будут анализированы обычные в шумерском слова для понятия «три», также яфетического происхождения, по сибилянтной ветви.

[2] Марр, Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей, ЗВО, XXII, 64, 65.

[3] Если даже r в tivr- относится к корню, а не показатель множественности.

[4] Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VI, ИАН, 1913, 417 сл.

удинск. qib (↖hum, resp. 'hem); таким образом основа ūb- (из hub-) эквивалентного слова в шумерском тексте примыкает в наличных яфетических языках к андо-дидойской группе, с вполне закономерным при губном звуке передвижением «о» к «u» (ср. в шип. группе šum, resp. sum вм. *šom, если даже и ū в ūb- надо читать, как начертано, а не ō (ōb-).

Назначение слова nin служить социальным термином «жрица» или титулом именно царицы, как то устанавливает Шилейко, повидимому, не подлежит сомнению: это функциональная роль термина. Возможно, что тем же словом называлась, если верно одно чтение, и «сестра», поскольку и «сестра» — женщина, но одно из основных его значений именно «женщина», «самка».

Надо знать лишь о существовании в яфетических языках закона чередования n‖d, чтобы в нем, как и в диалектическом груз. nen-a «мать», признать разновидность груз. ded-a, мегр. did-a (равно dad-a, ср. удин. nan-a) и т. п., функционально используемого как «мать», но собственно означающего «самка», «женщина», отсюда deda-kaθi «женщина», букв. «самка человек», ded-al-ı «самка», в частности «курица» и т. п. Палеонтологически вскрываемое его значение будет разъяснено в своем месте, как и его семантические разновидности. Данной заметкой я хотел лишь констатировать, что 1) термины sal и nin, функционально используемые как титулы женских лиц, на самом деле значат просто «женщина», если не углубляться палеонтологически в первичную историю до выяснения тотемического (племенного) или более материального прямо таки физического, resp. анатомического его значения, 2) в языке шумерском, а еще более в месопотамской клинописной письменности отложились различные яфетические представители различных групп и различных ветвей яфетической семьи языков. В виду признания яфетическим языкознанием скрещенных типов речи, такая разнородность состава одного языка, хотя бы шумерского, не вынуждает нас отрицать реальное существование мешаного, но всетаки живого языка вне письменности, однако 3) кое-что из материала, восходящего к различным типам яфетической речи, может быть вкладом именно письменного языка, который, служа орудием общественности различным яфетическим народам, мог вобрать в себя соответственно разнородные элементы и затем представлять лишь завещанное культурное наследие для позднейших яфетидов, шумеров, которые

могли и не усваивать всего из этого наследственного клада. Впрочем все это, особенно последний вопрос, подлежит более обстоятельному рассмотрению.

4. Шумерское zag.

В шумерском наличны и случаи с расклиниванием группы согласных от продвижения гласного к началу слова, как в яфетических слоях языков Армении[1]. В памятниках шумерской литературы находим zag в составных словах в значении «край», особенно an-zag «край неба», an-zag-ta[2] «с края неба»[3]. Если допустим даже, что произношение z не подлежит установлению, что в нем звонкий сибилянт, а не аффрикат ď, в армянском древне-литературном языке[4] у нас есть его представитель в виде ťag, вм. *ďag, поскольку приходится считаться с мутуациею древнелитературного языка Армении, и это ťag ←*ďag означает также «край», «предел», и т. п., как шум. zag, но обе эти разновидности одинаково представляют случай позднейшего расклинивания согласных гласным a, продвинувшимся с их конца, zag ↗*ďag (→ťag) ←ďga: ďga налицо в мегрельском языке, т. е. языке шипящей группы, и означает «край, берег», и в мегрельском это усеченная форма чистой основы ďgal-, что всплывает в форме мн. числа ďgal-eф-i и что имеет родственные образования в различных яфетических языках, дающих возможность выявить и происхождение корня, его первоначальное значение.

5. Kal-raqı в халдских надписях.

В названии города Kaalraqı, механически, конечно, можно и должно читать kalraqı, поскольку долготу гласных не удается пока отстоять за халдским языком[5]. Но это чтение не могло не смущать стечением в слове r и l: такое соседство плавных маловероятно в составе основы данного яфетического языка, почему в стремлении придать термину облик действительного живого слова, морфологи-

[1] В А языке, haйкском по племенному названию и во всяком случае «кейском» по образованию мн. числа.

[2] Delitzsch, Grundzüge der sum. Gram., §§ 66, 75.

[3] Продвижение гласного a, как в этом слове, к его началу имеем и в этническом термине sak (см. Марр, Термин скиф, ЯС, I, 96 сл.).

[4] Delitzsch, Sumeriches Glossar, Lzg. 1914, 204, s. v.

[5] Марр, Надписи Сардура II из раскопок на Ванской скале.

чески приемлемый, я направился в поисках источника предполагавшегося его искажения в сторону графики и нашел выход в возможности прочитать al-ra так, как если бы имели мы ar-ra, т. е. ara: в клинописи таким образом было признано чисто графическое удвоение r в rr, resp. lr[1]. По получении, при таком подходе, вероятного фонетического чтения Karaqı графически Kalraqı, даже kaal-raqı) дальнейшее отожествление с Карсом напрашивалось само собою, раз название встречаем в надписи именно этого района — Сарыкамышской.

Я, однако, упустил из виду, что Kalraqı может быть составным названием, с исходным l первой составной части и начальным r второй, и тогда отпадает всякое возражение против случайной встречи звуков l и r, принадлежащих двум различным словам. Название же составное Kal-raqı в обеих частях поддается осмысленному толкованию.

Raq — этнический термин, известный нам с префиксом e- в виде E-raqı (графич. или при эпентезисе диалектически Eraqı): в нем имеем основу спирантной разновидности *rahq- более известного в составе географического термина, названия реки[2]. Так могла называться не только река Ахурян (Арпачай), но и ее приток, и один из этих притоков так и назывался по-армянски чистой спирантной основой этого термина — Րահ rah (←ras). Но собственно raq (←*rahq) представляло этнический термин в форме мн. числа (-q), со значением «рай» («рас» или «расц, расец»), и это племенное название и отложилось, следовательно, в названии города, снабженном в первой части, по всей видимости, прилагательным.

Значение этого прилагательного kal- естественно искать, раз оно не халдское, в языке того народа, из рук которого был вырван этот город с частью страны, входившей в состав побежденного государства, именно Этиуни. Следовательно, мы вправе искать объяснение в кругу древних пережиточных слов языка современных удин, этого маленького народца, по племенному его названию пережитка населения древней Этиунии или Отении. В анализе баскского слова udagara уже выяснено, что к таким древним удинским словам принадлежит прилагательное qal-a «большой», «великий», общее у

[1] Марр, Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи на Чалдирском озере, 20 сл.

[2] Марр, у. с., 10.

удин не только со сванами (gan-gal) но и с шумерами (gal, galgal)[1]. В удинском определение предшествует определяемому; в древности по истории яфетических звуков имеем основание восстановить kal → gal → qal); следовательно, представляется и по существу правдоподобным, а формально безукоризненно оправданным читать без всяких ухищрений название этиунского города Kal-raq̇ı и понять его как этиунское составное слово в значении «Великий Рах» (по свистящей группе — «Раех») или «Великие раи» (по свистящей группе — «расы»). Кстати, и в удинском намечен в числе показателей множественности заднеязычный q̇.

Вместе с этим приходится пересмотреть этимологию названия Карса, отказаться от отожествления его с груз. kar-ı «дверь» || ɣar-ı «крепость, замок» и т. п.[2]. Основа названия — karu-; в древне-лит. арм. его им. пад. мн. числа *kar-q, если даже его представить существовавшим, должен восходить к karu-q, точно также как karəs должно было получиться из *karus, и вот в термине представляется или составное слово kal-ra + q̇ı с усеченной первой частью ka-, или производное с префиксом ka- от этой разновидности ru q̇ (←*ruh-q̇) племенного названия, а в ka-rəs исходный s, может быть, не признак вин. падежа, а пережиток сибилянтной разновидности термина — *ka-rus, resp. *ka-ruш. И в том, и в другом случае это или Великие Русы или просто Русы (этруски, Урарту).

6. Из халдских названий времен года.

К числу шаблонных фраз с вариациею одного термина в халдской клинописи относятся:

1. ıqukanı [1]ANNUS taranı uшtadı (Sc. XLIX, 13).
2. ıqukanı [1]ANNUS ıшıшtını uшtadı (Sc, XLIX, 22).

Слова taranı и ıшıшtını по Guyard'у понимались сначала как названия времен года[3], потом — как порядковые числительные — «второй» и «третий»[4], с чем соглашался и Müller[5], не разделяя однако мнения, что ıшıшq̇anı «третий». Последнее слово в одних летописях Аргиштия встречается не менее двух раз в следующей повторяющейся фразе:

[1] Марр, Le terme basque udagara «loutre», ЯС. I, 16-17.

[2] Н. Марр, у. с., стр. 20—21.

[3] Mélanges d'Assyriologie.

[4] JA, 1884, 513.

[5] AD, 21.

3. iqukaani [i]ANNUS ши-[ши-]qa-ni [d]GENS quradinili ueli dubi (Sc, XXXVI, 5).

4. iqukani [i]ANNUS шишиqani [d]GENS ani [i]PL ueli dubi (Sc, XLII, 43).

Müller то же самое слово читал и в двух еще надписях, понимая везде в значении Kriegsfuhrwerk[1]:

[i]P Argištine ali [шиши]qaani [d]GENS aшi-[i]PL ueli dubi (Sc, XXXIX, 49)[2].

[i]P Argištine ali [i]P Dиaиqi шишиqani duurbani [i]GENS quraadinil ueli dubi (Sc, XLVI, 13-16).

Соглашаясь вполне с чтением Müller'a, мы всетаки остаемся перед фактом, что в двух последних случаях интересующее нас слово выступает одиноко, без предшествия какого либо знака, понимать ли его как идеограмму ([i]ANNUS), как мы то делаем, или как детерминатив ([d]ANNUS). Конечно, отсутствие знака объяснимо и графически (пропуск, недосмотр) и лингвистически (обычность употребления второй фонетически написанной части термина в живой речи вместо целого составного выражения), но нельзя исключать возможности, что в двух дополнительно приведенных надписях дело имеем с другим лишь созвучным словом, отличным от нашего термина [i]ANNUS шишиqani. Для трех же комплексов [i]ANNUS tarani, [i]ANNUS шиштini и [i]ANNUS шишиqani яфетидологически намечается возможность лингвистического оправдания первой мысли Guyard'a, им же впоследствии отвергнутой, в отношении первых двух слов и развития ее до постановки вопроса, не имеем ли и в шишиqani в данном случае комплекс, означающий время года, именно «осень»?

Во всех трех случаях налицо тождественный исходный слог—ni, казалось бы одинаково суффикс отложительного падежа (← Род.: :-ni ←-ni), используемый здесь как падеж для выражения обстоятельства времени. Если однако в шиштini и шишиqani мы имеемъ как то приходится предполагать, составные слова, то получается необходимость особой их трактовки, отличной от анализа простого слова tarani, где только слогом — ni, падежным окончанием, могла быть выражена форма наречия времени; более того, в остающейся части tara- гласный «a» может быть придаточным потому, что при плавном исходе и в другом случае, например, magulani, ед. число *magul-i, появляется такая огласовка или потому, что падежное

[1] Sc: «The harness».

[2] Sc: «sur-kha-a-ni»=surqani.

окончание, начинающееся согласным, в халдских никогда не примыкает непосредственно к согласному. Обыкновенно основа в халдском заканчивается гласным -i, если же в данном случае -a, то это может зависеть или от предшествующего согласного элемента, плавного, и тогда это чисто фонетическое явление, или от возможного в яфетическом языке сочетания падежного окончания с основой при посредстве местоименного элемента -a, и тогда это — явление морфологическое. Словом, в tarani нам чистая основа представляется в виде tar, тогда как в šištini и šišuq̇ani бросается в глаза повторение первой части šiš- при различии второй -tini (-uq̇ani, из коих последнее слова, -uq̇ani, может быть разновидностью второй части известного нам халд. iq-ukani[1], «потом», т. е. наречием-послелогом, означающим «после», «за», и тогда и для -tini возникает необходимость воспринять его, как наречие-послелог, и следовательно, составные с наречиями термины šištini и šišuq̇ani не нуждались бы в особом оформлении для выражения обстоятельства времени, поскольку на самих наречиях (-tini, -uq̇ani) лежала бы такая функция. Вопрос иной, стоят ли и они в определенном падеже, опять в Отл. на -ni, или они неоформлены? Для наречий времени в яфетических языках теоретически возможно и то, и другое явление.

Подходя сравнительным путем от яфетических материалов в комплексе ⁱANNUS tar- (отлож. ⁱANNUS tar-ani), если это время года, мы имеем полное основание признать «зиму»: tar представляет эквивалент слова θar «зима (холод)», также второй части в грузинском слове zam-θar «зима», букв. «год зимний (холода)», так как в первой части мы имеем сван. zaw (zam ↗ *zap → zab → zaꝫ, означающее «год». Следовательно, этот термин в грузинском не первично-племенной, заимствован ли он или усвоен в процессе смешения со сванами, понятно не со сванами верховьев Ингура и Цхенисцхала, а первоначального до-яфетического населения Армении. Что термин этот заимствован в языках спбилянтной ветви, видно и из его разновидности в языках шипящей группы: θar подвергся изменениям по норме шипящей группы, переголасовке a o и перебою r ∼ nd̂: -θond̂, что̂ свидетельствует о внедрении в глоттогоническую эпоху, но z в первой части остался всетаки

[1] Кунеологи-графисты читают ikukani; это дела по существу не меняет, но они и толкуют иначе.

без изменения[1], в природном слове шипящей группы мы бы ожидали j: по-мегрельски «зима» zo-θond̂-ı[2], букв. опять таки «год зимний (холода)», точное соответствие грузинскому zam-θar (←*zaw̃-θar), resp. халд. ¹ANNUS tar- как «лето», в грузинском zaç̣-q̇ul (↖ *zam-q̇ul) буквально означало «год жары»[3]. Сейчас мы не входим в палеонтологическое рассмотрение яфетического слова для понятия «год», как то же слово означает и вообще «время», но факт тот, что у яфетидов год был шестимесячный. И в связи с этим, во-первых, наш год первоначально распадался на «год холода» и «год жары»; во-вторых, не существовало особых первичных терминов для весны и осени, и для того и для другого понятия термины сложились впоследствии применительно к «лету». так, например, в грузинском термины «весна» и «осень» получены прибавкой к термину «лето», слов, означающих «предшествие», «наступление» и «следование». В грузинском «осень», звуча шemodgoma, значит «следование за», даже с пропуском слова «лето». Как звучало по-халдски «лето», или точнее «тепло, жара», не знаем, допускаем, что шш-, как то находим в двух занимающих нас словах шш-tını и шш-uq̇anı. Отчасти это можно поддержать сравнительной грамматикой яфетических языков, если в начале слова усмотреть префикс шипящей группы ш-, resp. шe-: в слове ш-ш (→*ш-шh) тогда перед нами выступает отвлеченное понятие «жара» от корня ш (←*шh), эквивалента корня в слове мегр. θq̇c «горячий» (ср. чанск. θe-θq̇ur-ı «горячка», «лихорадка», груз. sı-θq̇e «жара»). Исчезновение задненебного q̇, resp. его слабого представителя h в халдском при стечении с согласным происходит по норме, наблюдаемой в халдских словах типа sus-e

[1] Если здесь не случай диссимиляции.

[2] Чисто книжно-лингвистический подход мешал мне в правильном анализе термина, вынуждая совершенно отбрасывать возможность расчленения zamθar, когда на это решался П. Чарая (Об отношении абхазского языка к яфетическим, МЯЯ, IV, 35-36); конечно, с анализом Чараи полностью и теперь нельзя согласиться, но я вынужден усилить сделанное тогда замечание (у. с., 36) о наличии «некоторых ценных наблюдений над абхазским языком», в его рассуждении, словами, что наблюдения Чараи по существу не менее ценны и в отношении грузинского.

[3] В мегрельском с более архаичным b вм. ç̣ (v || m ↗ b → ç̣), но с перестановкой и обычным появлением r перед q̇; bzarq̇ul-ı (*-zarq̇ul-ı) ← zab-r-q̇ulı «лето», очевидно, или заимствование или усвоение в процессе скрещения.

← *шhus-e «овца» — мегр. шq̇ur-ı ↗ чанск. ǫq̇ur-ı «овца»[1]. Кроме того, параллельным образованием к шı-ш (← *шı-шh) может быть признан морфологически и термин груз. su-sq̇-ı «зной» (→ «знойный», «суровый»)[2], судя по огласовке префикса усвоенный грузинским от шипящей группы, где он природно должен бы звучать шu-шq̇, даже шо-шq̇: эта разновидность также отложилась в грузинском в основе глагола шuшq̇-v-a «жечь рот, например, шампанским» (по Чубинову), но глагол, несомненно, безконечно предшествует представлению о шампанском и значил вообще чем либо «ожечь».

Во всяком случае при значении «жара» у слова шuш, клинописный комплекс с ним ¹ANNUS-шuш- и должен бы собственно значить «лето», букв. «год жары (горячки, тепла)», как в грузинском zaǫ-q̇ul-ı[3]. Так как uq̇ani в халдском толкуемо как наречие «после», то халд. шuш-uq̇ani есть основание понять как «осень», точнее «после лета» (букв. «за годом жары»), и в таком случае составное шuш-tini представилось бы естественным эквивалентом для «весны», имея в виду, что -tini легко отожествимо с груз. tin «перед». Словом, ¹ANNUS шuш-tini буквально означало бы «перед годом жары», «перед летом», следовательно — «весной»[4].

Таким образом приведенные в начале фразы в русском переводе могут гласить:

«Затем в ¹год холода (т. е. зимой) отправившись».

«Затем перед ¹годом жары (т. е. весной) отправившись».

«Затем после ¹года жары (т. е. осенью) племя конное воинство собрал я».

«Затем после ¹года жары (т. е. осенью) племя воинов (мужей) собрал я».

[1] См. также выше, 290, прим. 1, sur ← *shur.

[2] У Чубинова$_2$ — «ожог мороза, крапивы».

[3] В наличном теперь языке сванов, стеснившихся у северного Кавказа, с востока Абхазии, как и в абхазской речи, и зима, и лето выражается одной определительной частью года или времени без последнего слова: сван. li-new «зима», букв. «холод», сван. lu-ǫq̇w «лето», букв. «жара», абх. a-ǫq̇ə-n «лето», букв. «жара» (-n не слово «время», хотя заменяет его).

[4] В грузинском «весна» — ga-zaǫq̇ul-ı, причем в ga- имеем указание на предварение лета (zaǫq̇ul-ı).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ Акты Архивной Экспедиции.
АИ Акты Исторические.
ЗВО Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.
ИАН, ИРАН Известия Российской Академии Наук.
ИОРЯС Известия Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук.
МЯЯ Материалы по Яфетическому Языкознанию.
ПСРЛ Полное Собрание Русских Летописей.
ТР Тексты и Разыскания по армяно-грузинской филологии.
ХВ Христианский Восток.
ЯС Яфетический Сборник.
ЭО Этнографическое Обозрение.
AE Ancient Egypt.
AM Mitteilungen des K. D. Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
ÄZ Ägyptische Zeitschrift.
AZ Archäologische Zeitung.
BN Bulletino Napolitano.
IF Indogermanische Forschungen,
JA Journal Asiatique.
JDAI Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
JHS Journal of Hellenic Studies.
JÖAI Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts.
JS Japhetitische Studien.
MAH Mélanges d'Archéologie et d'Histoire.
MAL Memorie dell' Akademia dei Lincei.
NJKA Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum.
NS Notizie degli Scavi.
RAAO, RAss Revue d'Assyriologie.